

Андрей
МЕЛЕХОВ



БОЛЬШАЯ ВОЙНА СТАЛИНА



Андрей Мелехов

Большая война Сталина

«ОМІКО»

2018

УДК 94(47+57)

Мелехов А.

Большая война Сталина / А. Мелехов — «ОМІКО», 2018

ISBN 978-966-03-8036-3

Литературно-публицистический цикл «Большая война Сталина» – свежий взгляд на события, так хорошо, казалось бы, известные из учебников советской поры. Это в полной мере аналитический проект, в ходе которого автор, скрупулезно собрав сотни фактов, попытался ответить на ряд ключевых вопросов, по-прежнему волнующих любителей истории. Кто подтолкнул Гитлера и западных союзников к развязыванию Второй мировой? Оказалось ли германское вторжение 22 июня 1941 года внезапным для Красной Армии и советского политического руководства? Объявляли ли немцы войну СССР? Каковы были истинные планы Сталина и его генералов? Почему, точно зная о скором начале войны, Сталин спокойно отправился спать? Андрей Мелехов попытался ответить в этой книге на эти и многие другие вопросы...

УДК 94(47+57)

ISBN 978-966-03-8036-3

© Мелехов А., 2018

© ОМІКО, 2018

Содержание

От автора	6
Кропотливый путь к правде	9
Список сокращений	10
«Внезапно», «без объявления войны»?..	12
Часть 1	12
Слово герою-десантнику	12
Слово боевым генералам	14
Стальная гвардия «ордена меченосцев»[1]	20
Слово «командарму-16»	28
Почему СССР хотел строить «большой флот» в Германии	30
Советский флот накануне войны, или «Неожиданность, которую ждали»	37
Слово репортерам The New York Times	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Мелехов

Большая война Сталина

© А. Мелехов, 2018

© В. Суворов, предисловие, 2018

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2018

* * *

*Посвящается простым солдатам
Великой войны – Якову Базаркину и Петру Терехову*

От автора

С ранних лет я питал интерес к истории Второй Мировой войны (именно так – с большой буквы, как это делают во всем мире, я буду называть ее в моей работе). Ее страшный каток проехался и по нашей семье. Мой дед Яков Базаркин был ранен на Курской дуге – так, что потом год пролежал в госпиталях. Мой дед Петр Терехов, наводчик противотанкового орудия («дуло длинное – жизнь короткая»), умер от ранения в грудь в полевом госпитале в том же 43-м. Петр Петрович никогда не видел своего сына – моего отца, который родился спустя два месяца после его ухода на фронт. Возможно, именно поэтому Михаил Петрович и собрал целый шкаф военных мемуаров, исторических исследований и художественной литературы, посвященных этой теме. Взрослея, я, по мере сил, пополнял отцовскую библиотеку. Надо сказать, что еще в юности, читая воспоминания советских полководцев Родимцева, Катукова и Жукова, касавшиеся начального периода Великой Отечественной войны, досадуя на Сталина, из-за недалековидности которого немцам удалось застать Красную Армию врасплох, я часто ловил себя на мысли, что упускаю что-то очень важное...

Чем объясняла неудачи 1941 года советская, а вслед за ней и зарубежная историография? «Стандартный» набор причин хорошо известен практически каждому.

На СССР напали внезапно, без объявления войны.

Красная Армия была не готова к отражению нашествия, в ней шли реорганизация и перевооружение.

Ее командование было ослаблено предвоенными репрессиями и качественно уступало немецкому.

Привычно упоминают параноидального волюнтариста Сталина, не слушавшего предупреждений Зорге/«Красной капеллы»/Черчилля и мудрого, но не имевшего необходимых полномочий Жукова, являвшегося в то тревожное время начальником Генерального штаба. Сразу вспоминаются знакомые штампы вроде «не поддаваться на провокации...» и «малой кровью, на чужой земле...»

Совершенно случайно, примерно в 1994 году, я купил на книжной раскладке две книжечки в мягком переплете – «Ледокол» и «День “М”» Виктора Суворова (Владимира Богдановича Резуна), бывшего офицера Главного разведывательного управления советского Генштаба, вынужденного бежать на Запад. Очень кратко напомним об основных положениях его работ, всколыхнувших профессиональную историческую общественность – как российскую, так и зарубежную:

– Сталин сделал все, чтобы привести к власти Гитлера и развязать новую Мировую войну; после взаимного истощения воюющих капиталистических хищников советский диктатор планировал напасть на фашистскую Германию и «освободить» Европу, совершив со всем континентом то, что в итоге получилось сделать только с его восточной и центральной частью.

– Напав первым, Гитлер случайно упредил Сталина на две недели: советский «День “М”» приходился на 6 июля 1941 года.

– Неудачи начального периода войны стали результатом гигантского скопления советских войск перед границей и незаконченного развертывания перед началом агрессии – примерно половина советской группировки находилась на марше или в эшелонах, следовавших к западной границе.

– Вопреки сочиненным советскими историками уже после войны сказкам, Красная Армия имела подавляющее количественное (а часто и качественное) превосходство в танках, самолетах и артсистемах. Хватало у нее и вполне подготовленного личного состава, а также грамотных молодых командиров. Вопреки устоявшемуся мнению, предвоенная чистка офи-

церского корпуса пошла ей на пользу, избавив от часто бездарных и полуграмотных «красных маршалов».

Трудно удивляться, что труды Резуна-Суворова вызвали резкую реакцию подавляющего большинства советских, английских, американских и израильских историков, десятилетиями получавших ученые степени, зарплаты и гонорары за изложение совершенно иной версии событий. В 1995 году, во время учебы в американской аспирантуре, мне довелось побеседовать на эту тему с пожилым военным историком из университета Манкато (Миннесота). Я был удивлен его бурным профессиональным неприятием работ Виктора Суворова. И это при том, что он не привел никаких значимых возражений против теории Резуна, чем вызвал скепсис уже с моей стороны. Как выяснилось впоследствии, подобное отношение «профессиональных» историков по обе стороны океана оказалось довольно типичным. Это, кстати, сводит на нет обвинение сталинистов и «патриотов» в том, что Резун сочинил свои «пасквили» по указке некоего абстрактного «Запада». Американские, английские и большинство немецких официальных историков (а также официальных лиц: это я понял из разговора с бывшим немецким послом в Украине – кстати, историком по образованию) относятся к нему примерно так же, как и официальные российские. Не найдя весомых контраргументов – по крайней мере таких, что убедили бы в неправильности его выводов вашего покорного слугу, – профессионалы исторической науки, тем не менее, обильно полили Суворова грязью. «Дилетант», «предатель», «лжец», «ревизионист» – это, пожалуй, типичный набор характеристик, которыми его награждали защитники «канонической» версии истории Второй Мировой войны.

Будучи скептиком по натуре, я полтора десятилетия шел к формированию собственного окончательного мнения по поводу изложенного в «Ледоколе», «Дне “М”» и других книгах Резуна-Суворова. Сейчас, когда у меня появилось свободное время, я решил попробовать повторить в «домашних условиях» то, что сделал сам Владимир Богданович, воспользовавшись исключительно опубликованными, широкодоступными источниками. Я из принципа использовал только те книги, которые имеются в моей не самой, наверное, богатой домашней библиотеке, а также Интернет. На создание трех книг, составивших аналитический цикл «Большая война Сталина», было потрачено два года.

Суть поставленного мной эксперимента заключалась в наглядной демонстрации (или наоборот отрицании) одного простого факта: чтобы проверить правдивость утверждений Резуна-Суворова, совсем необязательно иметь привилегированный доступ в закрытые архивы Российской Федерации. Нужно просто еще раз внимательно перечитать работы, изданные большей частью еще в советское время. Для чистоты эксперимента я не касался упомянутых выше книг Суворова три года – чтобы избежать фактора «подсознательной подсказки» при чтении тех же источников, которые использовал и он сам.

Самым, пожалуй, запомнившимся еще с детской поры тезисом советских историков лично для меня являлось утверждение о том, что нападение гитлеровской Германии на СССР было вероломным и абсолютно неожиданным. Что, мол, лишь очень ограниченный круг лиц – включавший, прежде всего, И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берия и еще нескольких особо приближенных к «величайшему гению всех времен и народов» деятелей – знал о секретных донесениях разведчиков-интернационалистов, но этим сообщениям не верил. Поэтому страна Советов, занимавшаяся мирным строительством социализма, якобы не знала о предстоявшем вторжении «ни сном, ни духом». Именно в результате этих ошибок не верившего своим собственным шпионам «вождя народов» Красная Армия не ждала неприятностей со стороны немцев. Отсюда – разгром и отступление до Москвы, Ленинграда и Ростова. Предметом первой книги данного цикла как раз и является рассмотрение исторической верности концепции «внезапности».

Согласно брежневской историографии, накануне войны – особенно в мае и июне 1941 года – Красная Армия отнюдь не спала. Мемуары переживших Великую Отечественную и

научные фолианты, опубликованные в 70–80-х годах прошлого века, не скупятся на описания бурной деятельности по подготовке к неким давно ожидавшимся «событиям». В них можно найти многочисленные факты, свидетельствовавшие о проводимой в СССР весной 1941 года масштабной тайной мобилизации, о состоянии повышенной боевой готовности, введенном в западных округах еще в начале апреля, о напряженной (часто ночью, в любую погоду и почти без выходных) боевой учебе в «летних лагерях», о все ускорявшемся стягивании к границам огромных группировок войск и об отсутствии каких-либо иллюзий в отношении соблюдения обеими сторонами так называемого Пакта Молотова – Риббентропа. Вся огромная страна Советов буквально бурлила (а ее экономика испытывала неимоверное напряжение) от набиравших темп мобилизационных мероприятий, проведению которых еще с февраля 1941 года было подчинено (или принесено в жертву) абсолютно все – весенние полевые работы, графики движения поездов, деятельность кинематографистов и песнетворцев, планы промышленного производства и программы подготовки будущих офицеров. На основе даже приблизительного анализа этих фактов можно сделать единственный возможный вывод: у советского руководства имелся некий план. Как и любой план, он имел определенную конечную цель и, соответственно, временные рамки исполнения. В течение многих десятилетий жуковы, анфиловы и волгогоновы старательно убеждали нас в том, что упомянутый план являлся сугубо оборонительным и катастрофа 1941 года стала результатом допущенных «ошибок» и «просчетов» при его составлении и выполнении. Они утверждали: разгром и гибель вооруженной до зубов пятимиллионной кадровой армии, потеря огромных военных запасов в приграничье и сдача противнику половины европейской части страны оказались следствием того, что «история не отпустила нам достаточно времени», и что недалекий волюнтарист Сталин, якобы пребывавший в состоянии «душевного паралича», не дал военным вовремя привести войска в полную боевую готовность. В этой условно «оборонительно-пассивной» версии даже в первом приближении обнаруживается столько прорех, что анализу планов советского руководства я решил посвятить отдельную – вторую – книгу данного цикла.

На каком-то этапе «погружения в тему» я обнаружил целый набор чрезвычайно странных фактов, касавшихся последних предвоенных дней и первых часов войны. Анализ этих фактов привел к появлению гипотезы, пытающейся объяснить некоторые действия (и бездействия) советского руководства с точки зрения нормальной логики. Свою версию я назвал «козырной картой». Несмотря на органическую связь данной – третьей – работы с другими книгами цикла, она стоит особняком и способна, пожалуй, вызвать наибольшие споры в среде профессиональных историков и любителей истории.

Кропотливый путь к правде

Где-то на изломе веков один хороший приятель похлопал меня по плечу и выразил сочувствие: через пару лет грянет новое тысячелетие, и никого больше вопрос о начале Второй мировой войны интересовать не будет.

Почему-то многим представлялось, что в новом веке у людей интересы будут совсем другими. Сам я, кстати, в этом тоже был твердо уверен, но ошибся, как и мой хороший приятель. Интерес к войне не угас. Наоборот, ярость сражений, накал страстей растут.

За первый десяток лет нового тысячелетия книг о начале войны выпущено столько, что упомянуть все, тем более, их прочитать, – просто не получается. А второе десятилетие грозит стать еще более плодотворным. Среди массы публикаций о начале войны, среди этого мощного потока, есть книги, которые пропустить нельзя. Одна из этих книг настолько выламывается из общего ряда, что мимо нее пройти мы все не можем и не имеем права.

Представляю: Андрей Мелехов, «“Большая война” Сталина».

Меня лично книга потрясла объемом материала. Только тот, кто сам пробовал искать, находить, сортировать информацию о начальном периоде войны, способен оценить вклад Мелехова в наше общее дело. Ведь его книга – это энциклопедия! Где еще найти столько кропотливо собранного, с любовью по полочкам разложенного материала о том периоде? Ни Академия наук, ни Институт военной истории Министерства обороны за семьдесят лет, которые прошли с момента германского нападения, не сделали ничего подобного. А тут – об армиях и корпусах, о дивизиях и бригадах, о генералах и штабах, о танках и самолетах, о пушках и снарядах, о количестве и качестве!

Но это первое впечатление. А когда вникаешь в тексты, то проникаешься еще большим уважением к человеку, исполнившему воистину титаническую миссию. Кто бы, например, додумался сверять переводы дневников Геббельса? Додумался Мелехов. И показал, как даже маленькие небрежности могут приводить к значительным искажениям исторической правды.

Книги Мелехова – не нудный академический трактат, а обстрел объекта с разных направлений перекрестным огнем. Одну и ту же ситуацию он показывает с точки зрения боевого командарма и с точки зрения артиста цирка, из вагона уходящего на войну эшелона и из кабинета Генерального штаба. И что удивительно: с командного пункта армии, которая тайно перебрасывается к границе, и с арены цирка, с приграничного аэродрома и из палаты тылового госпиталя открывается все та же картина. Описание судьбы женщины-стоматолога или артиллерийского лейтенанта объясняет нам гораздо больше, чем сто томов научных изысканий академических институтов.

Андрей Мелехов ставил перед собой почти непосильную задачу. Он ее успешно решил. Совершенно сознательно не берусь пересказывать его книгу. Ее надо читать. Ее аршином не измерить, глубин ее не исчерпать...

Виктор Суворов

Список сокращений

- АРГК – артиллерия резерва Главного Командования
БНД – Федеральная разведывательная служба Германии (Bundesnachrichtendienst)
ВВС – военно-воздушные силы
ВДВ – воздушно-десантные войска
ВИЖ – «Военно-исторический журнал»
ВГК – Верховное главнокомандование
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ – военно-морской флот
ВЧ (связь) – высокочастотная связь, закрытая система телефонной связи, использующая высокие частоты; правительственная и военная связь в СССР и Российской Федерации
ГАЗ – Горьковский автомобильный завод
ГСМ – горюче-смазочные материалы
ГСО – «Готов к санитарной обороне СССР»
ГТО – «Готов к труду и обороне СССР» (программа физкультурной подготовки в общеобразовательных, профессиональных и спортивных организациях в СССР)
ГУПП – Главное управление политической пропаганды Красной Армии
ДОТ – долговременная огневая точка
ДШК – крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина
ЗапОВО – Западный Особый военный округ
КОВО – Киевский Особый военный округ
КП – командный пункт
ЛВО – Ленинградский военный округ
МГБ – Министерство государственной безопасности
мк – механизированный корпус
МВО – Московский военный округ
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НСДАП – Национал-социалистская немецкая рабочая партия
НКО – Народный комиссариат обороны
ОАД – отдельный артиллерийский дивизион
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (предшественник НКВД)
ОКВ – Верховное главнокомандование Вермахта
ОдВО – Одесский военный округ
ОрВО – Орловский военный округ
ОКХ – Верховное командование сухопутных сил Вермахта
ПВО – противовоздушная оборона
ПрибОВО – Прибалтийский Особый военный округ
Разведупр – Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии (предшественник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР – знаменитого ГРУ)
РГК – Резерв Главного Командования
РКВМФ – Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РСХА – Главное управление имперской безопасности (Третий рейх (Reichssicherheitshauptamt, RSHA))
СА – штурмовые отряды нацистской партии (Третий рейх)

САВО – Средне-Азиатский военный округ

СВЭ – Советская военная энциклопедия

сд – стрелковая дивизия

СД – Служба безопасности рейхсфюрера (Третий рейх)

ск – стрелковый корпус

СКВО – Северо-Кавказский военный округ

СНК – Совет Народных Комиссаров

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

ТВД – театр военных действий

УПА – Управление пропаганды и агитации (отдел ЦК ВКП(б))

ХВО – Харьковский военный округ

SIS – Секретная разведывательная служба Великобритании (Secret Intelligence Service)

«Внезапно», «без объявления войны»?..

Часть 1 «Внезапно»?..

Слово герою-десантнику

Беру в руки книгу воспоминаний **А. И. Родимцева**. К новому месту службы (5-я бригада 3-го воздушно-десантного корпуса Одесского военного округа) Герой Советского Союза и ветеран гражданской войны в Испании Родимцев прибыл 17 мая 1941 года. Отметим уровень боеготовности вверенной ему части: «вооружением, необходимой материальной частью и парашютами бригада была полностью обеспечена» («Твои, Отечество, сыны», с. 20). 18 июня 1941 года бригады корпуса проводили учения по выброске в Крыму, в «районе города Джанкой» (там же, с. 23).

Позволю себе на минуту отвлечься и подчеркнуть, что воздушно-десантные войска (ВДВ) являлись тогда и остаются сегодня сугубо наступательным родом войск. Статья о ВДВ в Советской военной энциклопедии начинается словами: «Воздушно-десантные войска (ВДВ), род войск, предназначенный для боевых действий в тылу противника... Основные боевые свойства ВДВ: способность быстро достигать удаленных районов ТВД, наносить внезапные удары по противнику, успешно вести общевойсковой бой. ВДВ могут быстро захватывать и удерживать важнейшие районы в глубоком тылу противника, нарушать его государственное и военное управление, овладевать островами, участками морского побережья, военно-морскими и авиационными базами, содействовать наступающим войскам в форсировании с ходу крупных водных преград и быстром преодолении горных районов, уничтожать важные объекты противника» (т. 2, с. 287). Как видим, обороне посвящена лишь одна фраза: «захватывать и удерживать».

ВДВ и морская пехота – самые агрессивные рода войск современных армий: отступить им часто просто некуда.

В обороне ВДВ использовали лишь в исключительных случаях, для «затыкания дыр» – когда в момент кризиса в районе вражеского прорыва не имелось обычных стрелковых частей, а также для проведения диверсий и отвлекающих действий (фактически без шанса выжить) на коммуникациях наступающего противника. Во время Великой Отечественной войны – в 1942 году под Вязмой и при форсировании Днепра в 1943-м – советских десантников использовали «по назначению» именно в ходе крупномасштабных наступлений. Красная Армия успешно применяла десанты и в рамках классической «глубокой операции» в 1945 году – при разгроме японской Квантунской армии. Немцы, американцы и англичане, также создавшие мощные воздушно-десантные силы, делали то же самое в ходе Второй Мировой и Корейской войн. Армии основных воюющих государств применяли крупные соединения парашютистов для достижения успеха как при проведении фактически самостоятельных наступательных операций (Крит), так и в рамках стратегических ударов с использованием флота и всех родов войск (высадка на Сицилии и в Нормандии). «Экзотика» в применении десантников – вроде участия в борьбе с партизанами (Конго, Вьетнам, Афганистан), штурме городов (Чечня) и патрулировании «неспокойных» населенных пунктов (Ольстер, Ирак) – началась несколько позже.



Герой-Советского Союза полковник А. И. Родимцев (источник <http://waralbum.ru/237970/>)

Важно отметить и то, что в 30-х годах прошлого века СССР справедливо считался во всем мире родоначальником «крылатой пехоты» и неоднократно удивлял иностранных наблюдателей массовой выброской великолепно подготовленных парашютистов как на различных учениях (например, под Киевом в 1935 и в Белоруссии в 1936 годах), так и в ходе боевых наступательных операций (Халхин-Гол). Согласно приложению № 8 книги *Р. Иринархова* «Красная Армия в 1941 году», накануне войны в РККА были сформированы пять воздушно-десантных корпусов численностью 10 400 человек (преимущественно тщательно отобранных добровольцев) в каждом. Интересно, что два из них – 2-й под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонova и 3-й под началом генерал-майора В. А. Глазунова (в будущем – первый командующий советских ВДВ) – находились в распоряжении Одесского военного округа. 5-я бригада Родимцева и 212-я бригада полковника Затевахина (отличившаяся на Халхин-Голе) как раз и входили в отборный 3-й десантный корпус Глазунова. По одному корпусу ВДВ базировались в Прибалтике, Белоруссии и в Киевском Особом военном округе. Почему столь высокая концентрация полностью укомплектованных бригад десантников (20 800 отборных бойцов) имела место именно на южном фланге СССР? Где и как советские воздушно-десантные корпуса планировали «отражать агрессию» с помощью массовой выброски парашютистов в глубоком тылу врага, которую активно отрабатывали накануне войны? Об этом мы поговорим в следующей книге цикла, посвященной планам советского руководства. Пока же вернемся к вопросу о «внезапности» вскоре начавшейся войны.

Вот что говорит Родимцеву накануне войны начштаба 5-й воздушно-десантной бригады майор Борисов: «Тревога чувствуется даже в воздухе...». О том же толкуют друг с другом и собравшиеся в управлении Одесского военного округа «офицеры в полевой форме и с чемоданами в руках»: «Подняли по тревоге... Часть уже куда-то уехала... Товарищи поговаривают: может быть, война?» («Твои, Отечество, сыны», с. 24). И куда, интересно, уехала их часть? Не к румынской ли границе?.. А вот что отвечает Родимцеву на его вопрос о «скорой войне» генерал-полковник Я. Т. Черевиченко – командующий Одесским военным округом: «Для вас,

конечно, не секрет, что фашисты продолжительное время сосредотачивают войска у нашей западной границы...». В общем, резюмирует герой войны в Испании, «явных признаков резкого изменения обстановки не было, но предчувствие чего-то недоброго упорно нарастало... С чувством внутренней напряженности и тревоги я возвратился в часть» (там же).

Заметим, что после начала войны 3-му воздушно-десантному корпусу так и не нашлось «воздушно-десантной» задачи. Почему? Потому что в обороне парашютисты превращаются в обычную – к тому же легковооруженную – пехоту. В этом качестве корпус и использовали, начиная с середины июля, а на каком-то этапе его просто превратили в стрелковую дивизию. Следует подчеркнуть, что дивизия эта воевала хорошо (в частности, отличилась во время обороны Киева) и скоро стала гвардейской. То же самое справедливо и в отношении других бывших десантных соединений РККА: сказывались тщательный отбор и прекрасная подготовка личного состава. Уже тогда ВДВ являлись армейской элитой. Недаром все без исключения воздушно-десантные соединения СССР в ходе войны стали гвардейскими.

Слово боевым генералам

Там же – в Одесском военном округе – накануне войны оказался и **Н. И. Крылов**, переведенный с Северного Кавказа в штаб Дунайского укрепрайона: «... перед войной у границы было не особенно спокойно. В июне обстановка на румынском берегу (а там – это не было секретом – находились и немецкие войска) стала настораживать...» («Не померкнет никогда», с. 14). «Пусть и не таким виделось начало будущей войны (*прим. автора: интересно, а каким же оно виделось Н. И. Крылову?..*), пусть не ждали мы ее сейчас (*а когда?..*). Но все равно ведь знали – смертельной схватки с черными силами фашизма не избежать» (там же, с. 18). Хотя войны вроде и не ждали «сейчас», но, пишет Н. И. Крылов, «надо отдать должное и командованию Одесского военного округа. Перед самым нападением врага оно успело... перевести на запасные аэродромы авиацию, избежавшую благодаря этому больших потерь... А управление войсками округа было к этому времени перенесено на заранее (!) оборудованный полевой КП» (там же, с. 15). Чуть позже тогдашний замнаркома обороны Мерецков подскажет нам, что в результате проведенных непосредственно накануне войны «учений» в укрепрайонах на границе с Румынией оказались практически все войска Одесского военного округа. Интересно отметить, что Н. И. Крылов – который в одном из этих укрепрайонов как раз и служил – ни словом не упомянул об этом факте. Не вызвало у него вопросов и то, что «полевой КП» являлся командным пунктом уже не округа, а созданной на его базе ударной 9-й армии...

А вот что говорит **П. И. Батов**, буквально перед самой войной поставленный командовать 9-м стрелковым корпусом, находившимся в Крыму. В Крым он попал с Северного Кавказа (через Москву, где его проинструктировал сам нарком обороны Тимошенко) «неожиданно, перед самым началом войны... 20-го июня»: «Мы располагали убедительными данными о том, что крупные ударные группировки немецко-фашистских войск сосредотачиваются у западных границ нашей страны. Как говорится, уже пахло грозой...» («В походах и боях», с. 7). Почему-то Батов нигде не упоминает о том, чем занимался вверенный ему 9-й корпус в самый канун войны. Позволю себе подсказать читателям: корпус Батова участвовал в крупномасштабных учениях по высадке десантов на чужих берегах. Поэтому, когда Батов утверждает, что во время московской встречи нарком Тимошенко «ни словом не обмолвился о том, каковы должны быть взаимоотношения с Черноморским флотом, что делать в первую очередь, если придется срочно приводить Крым в готовность как театр военных действий», он говорит правду. Вернее, ровно половинку правды: он вообще не говорит о второй половинке. Дело в том, что к **обороне** Крыма действительно никто и не думал готовиться. Все планы моряков, летчиков, пехотинцев и даже бойцов укрепрайонов Одесского военного округа (а также прочих приграничных округов) касались исключительно скорого начала **наступательных действий на чужой**

территории. А все взаимодействие с моряками сводилось к усердной отработке, как вполне откровенно выразился тогдашний нарком ВМФ – адмирал **Н. Г. Кузнецов**, «более активных задач» – ведь «...предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать» («Курсом к победе», с. 334).

Бывший флотский замполит **И. И. Азаров** говорит об этих весьма интересных маневрах с участием корпуса Батова гораздо более откровенно. Прочитав первые строчки его мемуаров: «На Черноморском флоте предстояло большое учение. Корабли должны были высадить в распоряжении «противника» крупный десант – целую стрелковую дивизию. Обычно флотские учения проводились осенью и по существу подытоживали боевую учебу. Черноморцы в шутку называли их «мандариновыми походами», потому что курс эскадры был неизменным – из Севастополя к кавказским берегам, где в это время накапливались горы фруктов. В 1941 году привычный порядок был изменен. Учения начинались в первой половине июня. Откладывать их обстановка не позволяла (?)... Направляя на флотские учения группу политических работников, начальник Главного управления политической пропаганды Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов пояснил: «Обстановка не дает нам никаких отсрочек (*прим. автора: что же за срочность такая была?! Торопились немцев с румынами спровоцировать?..*). Подозрительно ведет себя фашистская Германия, хотя у нас с ней договор о ненападении. Для вашего сведения: германские войска сосредотачиваются у наших границ, немецкие самолеты все чаще вторгаются в наше воздушное пространство. Надо, чтобы моряки были готовы ко всему» («Осажденная Одесса», с. 3–4). Из этого краткого пассажа становится понятно, что руководство флота (и уж тем более руководство Вооруженных Сил и политическое руководство СССР) прекрасно знало о сосредоточении германских войск на советской границе. Поскольку «откладывать обстановка не позволяла», то и «привычный порядок был изменен», а «моряки были готовы ко всему». Вопросы появляются, когда туго соображающий читатель (вроде меня) пытается понять, а к чему именно готовились советские моряки?.. Да еще и под присмотром вышедшего с ними в море руководителя учений – замнаркома Военно-Морского Флота адмирала И. С. Исакова (см. там же, с. 11)? Скажем, почему атаки несуществующего германского черноморского флота огромный советский Черноморский флот собирался отражать высадкой целых стрелковых дивизий на чужих берегах? Ладно, предположим, что таким образом собирались претворять в жизнь известный постулат о том, что «нападение – это самая лучшая оборона». В конце концов, именно с помощью мастерски проведенной десантной операции американцы в начале 50-х сумели коренным образом переломить ход корейской войны... Но вот незадача: как только немцы напали, о советском морском десанте на чужие берега намертво забыли. Равно, впрочем, как и о воздушных десантах: помните мемуары Родимцева?.. Не найти ни слова в советской исторической литературе и о планах, которые отрабатывались во время этих загадочных предвоенных учений. Армейский комиссар Рогов назвал действия немцев «подозрительными». Позвольте, а как тогда могли назвать действия советских войск и флота испуганные румыны и встревоженные немцы?.. Они-то десятки тысяч человек по морю не возили... Да и самих немцев в Румынии было кот наплакал. Так или иначе, то, что Батов ни словом не упоминает о длительных морских прогулках своих подчиненных в самый канун войны, само по себе наводит на определенные мысли...

Что же происходило в других военных округах? **И. И. Людников** сообщает: «весной сорок первого года, за шесть месяцев до своей трагической гибели, Кирпонос (*прим. автора: будущий командующий Юго-Западным фронтом, а тогда – недавно назначенный командующим Киевским Особым военным округом*) вызвал меня из Житомира (*прим. автора: там Людников командовал военным училищем*) в Киев для назначения на должность командира дивизии. В мобилизационном (!) отделе штаба округа мне сказали: – Ваша дивизия вон в том углу, забирайте... Поднимаю с пола опечатанный мешок с надписью «200 сд. Почтовый ящик 1508». Содержимого в мешке немного. Кто-то даже пошутил: “Не шапка Мономаха...”... Срок фор-

мирования дивизии был жестким. Вместе с командным составом прибывало пополнение бойцов из переменного состава. Обычно их призывали на переподготовку после уборки урожая. Мы и этот факт расценили как признак приближающейся грозы» («Дорога длиною в жизнь», с. 5). Отметим, что дело происходило примерно *в середине марта 1941 года* и что вновь сформированная 200-я стрелковая дивизия Людникова (31-го стрелкового корпуса) относилась ко «второй линии» – иначе говоря, находилась во втором эшелоне войск округа. И что номер «200» взяли не с потолка: процесс развития Красной Армии еще ранней весной 1941 года достиг такого масштаба, что число стрелковых и горнострелковых дивизий перевалило за две сотни – и это без учета мотострелковых (моторизованных) дивизий! Сей бурный рост требовал опытных командиров, которых, естественно, не хватало. Нехватку восполняли ускоренным продвижением по службе вчерашних комбатов, возвращением репрессированных комбригов и комдивов, а также использованием кадров, осевших в многочисленных военных училищах. Интересно отметить, что во время немецкой оккупации здание житомирского училища Людникова использовал в качестве своего временного штаба начальник СС Генрих Гиммлер. Но вернемся к 200-й сд...

16 июня 1941 года этой *тыловой* дивизии директивой штаба округа предписали в полном составе, но без мобилизационных запасов *18 июня в двадцать часов* (прим. автора: иными словами, скрытно, ночными маршами) выступить в поход и *к утру 28 июня* сосредоточиться в десяти километрах северо-восточнее Ковеля – то есть, в непосредственной близости от советско-германской границы (там же, с. 6). Надо сказать, что 31-й стрелковый корпус, в состав которого была включена дивизия Людникова, еще до начала войны был переброшен с Дальнего Востока на Украину, где перешел в подчинение располагавшейся у самой границы 5-й армии под командованием генерал-майора танковых войск М. И. Потапова – еще одного героя Халхин-Гола. Отметим, что полученный дивизией приказ *не был связан с угрозой немецкого вторжения*. Иначе она выступила бы в поход немедленно – *16 июня*, и война не застигла бы ее на марше – во время четвертого ночного перехода (днем пехотинцы отдыхали, чтобы соблюсти скрытность выдвижения к границе). «Целую жену и детишек, – вспоминает Людников, – я почти не сомневался, что ухожу на войну...». Не сомневались и сами домочадцы: «проводить дивизию вышло все население городка. Самые горячие заверения, что идем на учение, не могли утешить наших матерей и жен. Предчувствие близкой войны их не обмануло» (там же, с. 6). Удивительное дело: предчувствие не обмануло тысячи жителей украинского городка и членов семей офицеров, а вот у товарища Сталина, который и направил дивизию Людникова к границе, его, получается, и не было?..

Приведу еще одно наблюдение Людникова, касающееся первых боев дивизии: «Перед войной 200-я дивизия пополнилась призывниками из недавно освобожденной Ровенской области, где вражеские лазутчики распространяли панические слухи, пугая малодушных непобедимостью немецкого оружия. Полк Алесенкова показал всем частям дивизии, да и ее соседям, что не так страшен черт, как его малюют, что врага можно остановить, гнать и уничтожать» (там же, с. 8). Как видим, у командира 200-й дивизии и его «соседей» до первых боев имелись серьезные сомнения в надежности бойцов, являвшихся уроженцами Западной Украины. Позже мы увидим, что подобные сомнения в боеспособности собственных подчиненных мучили не только его и не только в отношении украинских новобранцев...

А. В. Горбатова за несколько месяцев до начала войны – вместе со многими другими репрессированными командирами – вдруг выпустили из концентрационного лагеря. Если верить бывшему генерал-лейтенанту НКВД *П. А. Судоплатову* – автору книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», «...в общей сложности в строй вернулись около половины пострадавших от террора» (с. 181). Едва не умершему от голода Горбатову дают путевку в санаторий – подлечиться и набрать вес – и в апреле 1941 года назначают на должность заместителя командира 25-го стрелкового корпуса 19-й армии, тайно перебрасываемой

на Западную Украину с Северного Кавказа. Вот что, провожая его, говорит нарком обороны Тимошенко: «Видимо, мы находимся в предвоенном периоде...» («Годы войны», с. 257). Вновь отметим уровень укомплектованности соединения: «я ознакомился с дивизиями. Они были полностью укомплектованы...». Как и все мемуаристы, Горбатов отмечает, что «ее (войну) ждали все, и не так уж много было среди военных людей, у которых теплилась еще надежда на то, что войны можно избежать. Однако, когда было объявлено о внезапном нападении... это сообщение всех поразило...». Надо же: «все ждали», но «всех поразило»!



Комбриг А. В. Горбатов в середине 1930-х годов

Как и у Людникова, у Горбатова еще до войны имелись нехорошие предчувствия в отношении слаженности и дисциплины его подчиненных. Правда, командира 200-й дивизии ждал приятный сюрприз: «западенцы» Людникова не только не удрали, но еще и разбили немцев. Горбатову повезло меньше: в первый же день боев (в середине июля) ему пришлось гоняться по полям за разбегающимися и бросающими оружие красноармейцами (которые тоже были призваны из запаса *накануне* войны) и ругать матом их растерявшихся командиров.

К. В. Крайников, который перед войной служил во Львове заместителем командира 2-го кавалерийского корпуса по политической части, сообщает в отношении «внезапности» войны нечто похожее. *Весной 1941 года* в округ из Москвы прибыл «с ответственными поручениями» его приятель, будущий выдающийся танкист П. С. Рыбалко (служивший в то грозное время в Разведупре – нынешнем ГРУ). Тот сумрачно сообщил: «На переднем крае, можно сказать, находишься, на боевом направлении... Не исключено, что фашистская Германия может напасть на нас...» («Оружие особого рода», с. 5). Правда, в бой кавалеристу Крайникову пришлось вступить гораздо южнее – на советско-румынской границе, «куда в самый канун войны перебросили наш 2-й... корпус». Заметим по ходу, что там же – на границе с Румынией – помимо двух воздушно-десантных корпусов и кавалерийского соединения, находились и два механизированных корпуса Красной Армии – 2-й и 18-й, вместе насчитывавшие около 1000 танков.

Вторит своим боевым товарищам и **В. М. Шатилов**, который перед войной занимал должность начальника штаба 196-й стрелковой (тоже вновь сформированной) дивизии: «Теперь, когда от войны нас отделяют многие годы... особенно явственно видишь: партия и правительство были уверены в неизбежности военного столкновения с фашизмом и готовили страну к этому (*прим. автора: но, как показали события, «не доготовили»*). У западных границ, вблизи будущего (!) театра военных действий, развертывались новые соединения Красной Армии. Одним из них и была 196-я Днепропетровская стрелковая дивизия» («На земле Украины», с. 4). Попутно отметим, что эта новая дивизия, находясь в Украине, входила в состав резерва Генштаба. И что бывший танкист Шатилов попал сюда на повышение из Прибалтики, из 28-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса, где *уже в мае* «слухами о войне была полна приграничная Рига», а «определенность и конкретность» этих слухов «настораживала» (там же, с. 3). Кстати, о 28-й танковой мы еще поговорим...

Когда 196-я стрелковая дивизия ускоренным маршем прибыла на станцию Днепропетровск 23 июня, «там царило оживление. Почти непрерывно шли на запад эшелоны с войсками и боевой техникой». Мемуарист сообщает, что в вагонах пели песню – «Краснознаменная Дальневосточная». Это важное наблюдение: чтобы *уже 23 июня* через Днепропетровск «на запад шли эшелоны» *с Дальнего Востока*, их надо было сформировать, загрузить и отправить за несколько недель до этой даты. Это, впрочем, буквально в следующей строчке подтверждает и сам Шатилов: «Началась горячая подготовка частей дивизии к отправке на фронт. Мы потеряли счет времени, дни и ночи слились воедино, спали урывками, забывали порой поесть. Не простое и хлопотное это дело – сборы в дальнюю дорогу. Кажется, какое у солдата имущество: винтовка да вещевой мешок. А когда этих винтовок и мешков 17 тысяч, тогда как?» (там же, с. 6). Отметим в очередной раз: 17 тысяч вещмешков означали, что уже к началу войны еще одна *тыловая* – 196-я – стрелковая дивизия была полностью укомплектована по штатам (и даже сверх штатов!) военного времени. Попутно подчеркнем, что 196-я стрелковая дивизия входила в состав 7-го стрелкового корпуса, относившегося накануне войны к резерву Генштаба, и что она в составе этого корпуса была не единственная – в него входили также 116-я и 147-я стрелковые дивизии под командованием полковников Я. Ф. Еременко и К. И. Миронова. Эти дивизии – тоже из «вновь сформированных» в рамках программы скрытой мобилизации, о которой мы поговорим позже. Именно этот корпус под командованием генерал-майора К. Л. Добросердова в начале июля 1941 года оказал поддержку группе командарма Лукина.

А вот что говорит о «внезапности» в книге еще один пехотинец – **И. И. Федюнинский**: «вскоре... меня назначили командиром 15-го стрелкового корпуса. Но до вступления в должность послали на учебу в Москву, и в Ковель, где размещался штаб корпуса, я прибыл **в апреле 1941 года**, когда обстановка на нашей западной границе становилась все более напряженной... В начале мая я решил объехать части корпуса, познакомиться с командирами дивизий, полков, батальонов, проверить боевую готовность войск, уточнить на месте задачи частей и подразделений в случае развертывания боевых действий на границе. На эту поездку пришлось затратить около месяца (*прим. автора: как свидетельствует в следующей главе данной работы его боевой товарищ – танкист Рокоссовский, в этой «ознакомительной поездке», являвшейся на самом деле рекогносцировкой, Федюнинский был далеко не одинок*). Войска корпуса располагались в лагерях и военных городках километрах в сорока и более от границы... Дивизии содержались по штатам мирного времени. Подавляющее большинство солдат и младших командиров составляли старослужащие, неплохо подготовленные в военном отношении. Как раз в это время (!) проходили учебные сборы приписного состава – уроженцев западных областей Украины. Когда началась война, приписники были влиты в кадровые дивизии (*прим. автора: так штаты мирного времени «легким движением руки» превратились в штаты времени военного*)... Пока я объезжал части и подразделения корпуса (*прим. автора: то есть, в течение мая*), напряжение на границе нарастало. Вернувшись в штаб корпуса (*прим. автора: в начале июня*), я позвонил командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М. И. Потапову. Попросил разрешения по два стрелковых полка 45-й и 62-й дивизий... вывести из лагерей в леса, поближе к границе, а артиллерийские полки вызвать с полигона. В этом случае войска будут находиться **в восьми километрах от границы**, в густом лесу (!). Командарм, подумав, согласился» («На Востоке», с. 222).

Вчитайтесь, пожалуйста, в эти строки! Любой, кто когда-нибудь служил в армии, знает: если маневры закончены, а твою дивизию прячут в густых лесах у границы (кстати, как долго можно держать в этих самых лесах десятки тысяч военных со всем снаряжением и боевой техникой?), значит, происходит что-то экстраординарное. Даже если в армии вы не служили, но ходите в лес за грибами или на охоту, постарайтесь представить свою реакцию при обнаружении в этом лесу многих тысяч вооруженных до зубов, пахнущих костром и изгрызенных комами военнослужащих! Обратите внимание и на то, как легко командарм разрешает подобные перемещения на расстоянии артиллерийского выстрела от границы с немцами, которых в то же время нельзя «провоцировать» под страхом сурового и неотвратимого наказания: «Подумав, согласился...». Смею вас заверить, читатель: если бы такое – несогласованное с вышестоящими штабами – перемещение войсковых соединений произошло в СССР даже в относительно мирное брежневское время, ответственных за это ждали бы скорый суд, лагеря, а то и кое-что похуже. То же самое, кстати, справедливо и в отношении любой другой армии мира. Служившие в армии, скажите: часто ваши части бросали насиженные места и прятались в лесах? Любое скрытное санкционированное передвижение воинской части в мирное время – это верный признак заблаговременной подготовки к войне. Любое несанкционированное – это начало военного переворота. Вспоминаю канун советского вторжения в Афганистан: тогда – за месяц до его начала – мой одноклассник шепнул на перемене, что его отец, служивший летчиком в части военно-транспортной авиации, базировавшейся под Тулой, зачем-то оказался на границе с упомянутой страной...

Может, две дивизии корпуса Федюнинского собирались «обрушиться» на вторгнувшихся фашистов? Предлагаю вернуться к засевшему в приграничных лесах 15-му стрелковому корпусу в следующей книге цикла – когда речь пойдет о планах советского командования...

Стальная гвардия «ордена меченосцев»¹

Ранее мы говорили о воспоминаниях десантников, кавалеристов и пехотинцев. Теперь обратимся к мемуарам представителей механизированных войск. **К. К. Рокоссовского**, как и А. В. Горбатова, «неожиданно» выпустили из концлагеря, подлечили в Сочи и в конце 1940 года назначили командиром формируемого все там же – в Украине – 9-го механизированного корпуса. «Откровенно говоря, – признается прославленный военачальник, тактично умалчивая о своем неприятном знакомстве с ГУЛАГом, – мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор – было ясно, что она все равно нападет на нас... В мае новый командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпонос провел полевою поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель. В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлениях вероятных действий корпуса и на других участках» («Солдатский долг», с. 8). Вновь заметим, что такие «поездки» у военных называются рекогносцировками, а производят их в районах предстоящих боевых действий. Запомним также, что каким-то чудесным образом начальники будущего выдающегося полководца *уже в мае* знали, на каких именно участках границы его корпусу придется «отражать» немцев, которые, как мы помним, «все равно нападут». Еще один важный факт – для тех, кто любит поговорить о недоукомплектованности советских мехкорпусов: даже недоформированный и находившийся в резерве фронта 9-й мехкорпус, располагавший на начало июня 300 танками (вместо 1031, положенных по штату), уже в мае планировал какие-то совместные действия со знакомой нам по воспоминаниям пехотного командира Федюнинского 5-й армией на западной границе. И в составе этой армии уже имелся один механизированный корпус – 22-й – под командованием генерал-майора С. М. Кондрусева, располагавшего на тот момент 746 танками. Вместе эти два соединения насчитывали бы 1046 танков – эквивалент полностью укомплектованного боевыми машинами мехкорпуса или полнокровной танковой армии завершающего периода войны. Кстати, именно из штаба 5-й армии Рокоссовский и получал приказы после начала войны.

«Еще во время окружной полевой поездки, – пишет он, – я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И. И. Федюнинский, С. М. Кондрусев, Ф. В. Камков (*прим. автора: командиры соответственно стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов, входивших в состав 5-й армии*). **У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией...**» (там же, с. 9). Готов биться об заклад, что Кондрусев с Федюнинским и Камковым (а также командиры других переброшенных в Украину мехкорпусов – Власов, Рябышев, Карпезо, Фекленко, Соколов, Чистяков и пр.) после таких «поездок» тоже хорошо знали, на каких участках придется сражаться их корпусам!

¹ Именно так называл коммунистическую партию ее вождь И. В. Сталин.



«Броня крепка и танки наши быстры...». Первомайский парад на Красной площади. 1936 год

Рокоссовскому вторит и его коллега – *Д. Д. Лелюшенко*, которого в феврале 1941 года назначили командиром только что созданного 21-го механизированного корпуса Московского военного округа. Интересно, что формировали корпус не в центральной России, а почему-то в районе Идрицы – Опочки (Псковская область) – на линии старых укрепрайонов, где Лелюшенко с нетерпением ждал получения новой бронетанковой техники – «мощных КВ и Т-34». «Примерно за месяц до начала войны, – пишет Лелюшенко, – будучи в Главном автобронетанковом управлении Красной Армии, я спросил начальника: «Когда придут к нам танки? Ведь чувствуем, гитлеровцы готовятся...» («Москва-Сталинград-Берлин-Прага», с. 12). Его успокоили: «Не волнуйтесь, – сказал генерал-лейтенант Яков Николаевич Федоренко. – По плану ваш корпус должен быть укомплектован полностью в 1942 году» (там же). «И все же, – признается Лелюшенко (*который, к слову, по должности должен был знать об официально установленной очередности формирования мехкорпусов.* – Авт.), – среди командиров и политработников корпуса росло беспокойство. Поговаривали о неизбежности войны с фашистами, несмотря на успокаивающее сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. Многие из нас понимали, что это сообщение *не для нас...*» (там же). Совершенно верно: сообщение это было сочинено исключительно «на экспорт» – для внешнего, так сказать, употребления. Уже упоминавшийся ранее генерал-лейтенант НКВД П. Судоплатов в этой связи подчеркивает: «Интересно, что заявление ТАСС сначала было распространено в Германии и лишь на второй день опубликовано в «Правде» («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 197).

Упомяну одну, на мой взгляд, показательную нестыковку в повествовании прославленного военачальника: на странице 12 своих мемуаров он жалуется, что у него в корпусе лишь «98 устаревших БТ-7 и Т-26», а на странице 13 уже говорит о том, что «красноармейцы и младший командный состав частей овладевали *новой техникой*: учились управлять танком, вести из него огонь, ремонтировать машину в полевых условиях, приближенных к боевым». Понятно, что «устаревшие» танки (кстати, БТ-7 был принят на вооружение Красной Армии в 1935 году) никак не могли за четыре недели, остававшиеся до войны, превратиться в новые. И что, таким образом, оказавшийся накануне войны за пределами своего «родного» Московского военного округа 21-й мехкорпус таки успел получить какое-то количество «мощных КВ и Т-34». По другим данным, уже на начало июня в корпусе имелось не 98 танков, а минимум 120. Вдоба-

вок к ним он после начала войны получил 95 противотанковых орудий на механической тяге и два батальона БТ-7 с отборными экипажами, сформированными из преподавательских кадров Военной академии моторизации и механизации (позже Военная академия бронетанковых войск). Эти БТ-7, кстати, были ничем не хуже легких танков чешского производства – Pz-35(t) и Pz-38(t), которыми и были преимущественно вооружены противостоявшие им дивизии 4-й танковой группы немцев.

Важно отметить, что вышеупомянутые 105 БТ-7 и два Т-34 из военной академии с экипажами, состоявшими из опытейших инструкторов, прибыли на подмогу 21-му мехкорпусу **уже 24 июня 1941 года** (см. с. 503 книги *Е. Дрига* «Механизированные корпуса РККА в бою»). Невиданная, скажу вам, оперативность: ведь война началась лишь **два дня назад!** Даже в Кремле во время погрузки двух вновь сформированных батальонов в эшелоны (самое раннее – утром 22 июня) никак не могли знать о ждавшей Красную Армию катастрофе. Соответственно, не могли там принять и столь спорное решение – кинуть в топку войны лучшие танкистские кадры. Это, кстати, не единственный случай подозрительно скорого появления в приграничных округах элитных по сути бронетанковых подразделений, созданных на базе преподавательских кадров танковых училищ, располагавшихся в глубине СССР. Лично у меня создается впечатление, что это было частью плана по резкому «одноразовому» количественному и качественному усилению ударных частей РККА. И что этот довольно радикальный план начал осуществляться **еще до начала** войны.



Танки БТ-7 советской 24-й легкотанковой бригады входят в город Львов. 19.09.1939 (источник: <http://mihalchuk-1974.livejournal.com>)

Думаю, что и директива наркома обороны СССР от **16 мая 1941 года** об усилении дополнительным вооружением и техникой не успевших пока закончить формирование 19, 16, 24-го (КОВО), 20, 17, 13-го (ЗапОВО), 2-го, 18-го (ОдВО), 3-го, 12-го (ПрибОВО), 10-го (ЛВО), 23-го (ОрВО), 25-го (ХВО), 26-го (СКВО), 27-го (САВО) и 21-го (МВО) мехкорпусов до 1 июля 1941 года (с. 56 книги *Е. Дрига*) – часть того же плана. Согласно информации указанного автора, на усиление мехкорпусов, в частности, должны были направляться 1200 76-миллиметровых орудий, 1000 45-миллиметровых противотанковых орудий, 4000 пулеметов ДП, которых хватило бы на 50 полков (24 76-миллиметровых, 18 45-миллиметровых орудий и 80 пулеметов

в каждом). Для перевозки всего этого вооружения предполагалось выделить 1200 машин ЗИС и 1500 автомобилей ГАЗ. Очевидно, что подобные мероприятия действительно должны были радикально повысить боеспособность мехкорпусов «второй очереди». Интересно, что закончиться они должны были к вполне определенной дате – **1 июля 1941 года**. Прошу обратить внимание на этот день: на него, как будет показано далее, завязывалось выполнение и многих других похожих планов и директив РККА и РКВМФ. Подчеркнем также, что ни малейшего военного смысла в усилении, скажем, 27-го мехкорпуса, находившегося на тот момент в далекой Туркмении (Мары, Кизил-Арват, Самарканд) не было бы, не существой планов его скорой переброски на западные границы СССР. А такие планы, как мы убедимся позже, претворялись в жизнь, начиная с первой декады мая 1941 года. Попутно отметим, что, имея в виду уже запланированное неблизкое путешествие 27-го мехкорпуса с границы южной на границу западную, не было никакого смысла в поставке новой техники на «старое место» – в Среднюю Азию. Причитавшиеся ему танки, противотанковые пушки и автомобили соединение наверняка получало бы уже по прибытии в пока неизвестный даже его командиру конечный пункт назначения.

А вот еще один интересный факт: оказывается, как и Рокоссовский, Лелюшенко «**15 июня** по плану, разработанному штабом корпуса» приступил вместе со своими командирами дивизий и полков «к рекогносцировке на даугавпилском направлении». По всей видимости, корпус уже тогда предполагалось использовать в составе тайно созданной за *месяц до этого* 27-й армии под командованием генерал-майора Н. Э. Берзарина (в будущем – первого советского военного коменданта Берлина). Во всяком случае, соединение Лелюшенко вряд ли смогло бы действовать в зоне ответственности упомянутой армии, если бы это было не так. «Карта полковника Воейкова (*прим. автора: командир 42-й танковой дивизии*), – делится Лелюшенко, – вся была испещрена пометками: районы сосредоточения, будущие рубежи развертывания, предполагаемые позиции батарей, пути движения...». Иными словами, в случае начала войны 21-й мехкорпус должен был действовать гораздо западнее назначенного ему района формирования. Подчеркнем, что начальники Лелюшенко тоже оказались «провидцами» и **точно знали**, где его бойцам придется отражать «готовившихся немцев». Тем более удивительно, что свое выдвижение к Даугавпилсу соединение Лелюшенко начало не 22 июня, а со значительным опозданием – в 16 часов 25 июня. Почему? Что такого изменилось в предвоенных планах? Ведь нападение немцев, как писал Лелюшенко на странице 13, считалось «неизбежным»...

Теперь приведу свидетельство еще одного танкиста – **П. А. Ротмистрова**, который встретил войну тоже в Прибалтике, в должности начальника штаба 3-го механизированного корпуса, входившего в состав 11-й армии. «Командовал корпусом, – делится легендарный военачальник, – генерал-майор танковых войск А. В. Куркин – человек твердого характера и редкой работоспособности. С первых же дней у нас сложились хорошие взаимоотношения на основе единства взглядов по принципиальным вопросам обучения и воспитания войск, в оценке крайне накаленной к тому времени военно-политической обстановке в Европе, создавшей угрозу безопасности нашей страны. Оба мы были абсолютно убеждены, что недалеко то время, когда, охмеленная легкими победами на Европейском континенте, гитлеровская армия ринется на Советский Союз... **21 июня**, буквально за несколько часов до вторжения немецко-фашистских войск в Литву, к нам в Каунас прибыл командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Торопливо войдя в кабинет генерала Куркина, у которого я в то время был на докладе, он кивнул в ответ на наше приветствие и без всякого предисловия сообщил, как ударил:

– Есть данные, что в ближайшие сутки-двое возможно внезапное нападение Германии.

И хотя нас в последние дни не оставляло предчувствие этой беды, сообщение Кузнецова ошеломило.

– А как же Заявление ТАСС? – изумленно спросил Куркин. – Ведь в нем говорилось...

– Но ведь это внешнеполитическая акция, которая к армии не имела никакого отношения, – сказал командующий... Не надо сейчас заниматься обсуждением этих проблем. У нас есть свои, достаточно важные. Немедленно под видом следования на полевые учения выводите части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводите их в полную готовность» («Стальная гвардия», с. 48–49).

Это описание предвоенных дней и часов является типичным. Здесь и «абсолютное убеждение» в близости германского нападения, и не оставлявшее автора в последние мирные дни «предчувствие этой беды», но одновременно и признание того, что известие вышестоящего начальства о том, что «предчувствия» оправдались, «ошеломило» и «изумило». Почему?.. А такое вот марксистско-ленинское диалектическое противоречие! Надо сказать, что сообщение о возможном нападении Германии и приказ на вывод войск «в леса», по-видимому, действительно сильно поразили Ротмистрова. Иначе он, думаю, вспомнил бы, что 3-й мехкорпус получил и начал выполнять это распоряжение *несколько ранее, чем 21 июня 1941 года*. Как и многие другие «приграничные» мехкорпуса различных советских округов (от Ленинградского до Одесского), его соединения были подняты по тревоге и скрытно переброшены практически вплотную к границе еще *17–20 июня 1941 года*. В деталях мы поговорим об этом в другой книге цикла «Большая война Сталина» – той, что посвящена планам советского руководства. Замечу также, что я сделал соответствующее *Приложение 1*, в котором указывается, что происходило накануне войны с каждым мехкорпусом Красной Армии – читатель сможет найти его в конце книги как в «сжатом», так и в «развернутом» виде.

То, что Ротмистров допустил в своих мемуарах серьезную неточность, подтверждает, в частности, более поздняя работа *Максима Коломийца* – «Сухопутные линкоры Сталина». М. Коломиец сообщает: «Первыми вступили в бой танки Т-28 5-й танковой дивизии (*прим. автора: в этой дивизии, к слову, Ротмистров и служил до начала мая 1941 года*), расположенной в Алитусе. Части дивизии *еще 19 июня* были выведены из военного городка и заняли оборону на восточной окраине города на правом берегу реки Неман. Поэтому, когда в 4.20 22 июня 1941 года немецкая авиация стала бомбить парки дивизии, *там уже никого не было*» (с. 146). Отметим, что, по странному стечению обстоятельств, покинув «летние лагеря», 5-я танковая дивизия расположилась не абы где, а в лесах возле мостов через пограничную реку, в бой за которые и вступила 22 июня при попытке немцев переправиться, но потерпела поражение.

Другой источник – Е. Дриг – дает еще более раннюю дату выхода 3-го мехкорпуса в приграничные леса: «*18 июня* все части корпуса были подняты по тревоге и выведены из мест постоянной дислокации... 21 июня 1941 года в дивизии вышел приказ о запрете жечь костры по ночам» («Механизированные корпуса РККА в бою», с. 135). В то тревожное время Ротмистров являлся начштаба 3-го мехкорпуса. Соответственно, приказ насчет костров должны были готовить на подпись Куркину он сам или его подчиненные. Интересно, как долго личный состав корпуса (порядка 36 тысяч человек) мог вместе с техникой сидеть в литовских лесах без костров и постоянного жилья? Это ведь не юг Франции...

«*18 июня 1941 года*, – подтверждает вышеупомянутую дату историк Р. Иринархов, – командующий Прибалтийским военным округом (*прим. автора: генерал-полковник Ф. И. Кузнецов*) отдал устный приказ на выход первых эшелонов 8-й армии (трех стрелковых дивизий) в полевые районы обороны на государственную границу. Штабу армии было приказано к утру 19 июня расположиться в районе Бубяй... В полосе 11-й армии в районы обороны на границе было выведено по одному стрелковому полку и артиллерийскому дивизиону от 5, 33, 188, 126-й и 128-й стрелковых дивизий. Соединения 3-го и 12-го механизированных корпусов тоже получили приказ *на переход в районы, расположенные недалеко от государственной границы*...». «Таким образом, – суммирует перечисленные факты Р. Иринархов, – все отданные командованием Прибалтийского Особого округа распоряжения свидетельствуют о том,

что его руководство было *прекрасно осведомлено о дате нападения Вооруженных Сил Германии...*» («Красная Армия в 1941 году», с. 405).

Обобщим результаты нашего мини-расследования ситуации с «внезапностью» в 3-м мехкорпусе, находившемся в Прибалтике: 1) там прекрасно знали о предстоящей войне за несколько суток до ее начала: об этом было ясно сказано не местными жителями и не каким-нибудь подозрительным перебежчиком, а командующим округом генерал-полковником Кузнецовым (*милль пардон*: к тому времени он командовал уже *фронтом*!); 2) уже 18–19 июня дивизии корпуса покинули насиженные места и выдвинулись в приграничные леса; 3) мы поймали мемуариста – легендарного танкового генерала Ротмистрова – на откровенном дезинформировании своих читателей. Ведь судя по вполне точным ссылкам на Центральный архив Министерства обороны (см. с. 47 его книги), он (и/или его «редакторы») имели доступ к тем же материалам, что и современные ученые-историки Е. Дриг, М. Коломиец и Р. Иринархов. Поэтому моя первоначальная надежда на то, что знаменитого полководца подвела память, рассеялась подобно утреннему туману над литовскими лесами – где и прятались танки его корпуса. Что они там, в этих лесах, делали? Почему Ротмистрову (или его «редакторам») понадобилось столь откровенно искажать факты? Каким образом – несмотря на своевременное приведение в состояние «полной боевой готовности» и подавляющее техническое превосходство над «внезапно» нападшими немцами – корпус потерпел сокрушительное поражение? Думаю, ответ ясен: Куркин и Ротмистров действительно готовились к скорой войне. Но они совсем не готовились к отражению фашистского нашествия.

Весьма похожую картину предвоенных буден можно встретить и на страницах воспоминаний **К. С. Москаленко** («На південно-західному напрямі»), которого в мае 1941 года перевели из Одесского военного округа, где он служил начальником артиллерии 2-го мехкорпуса, в Киевский Особый военный округ. Там будущего командарма назначили командиром 1-й противотанковой артиллерийской бригады Резерва Главного командования (РГК). Забегу вперед – на страницу 23 его книги: к началу войны бригада была полностью укомплектована, в ней насчитывались около 6 000 человек личного состава («все как на подбор», «у большей части имелось среднее или незаконченное среднее образование», старшие и средние офицеры – «хорошо подготовленные», «с большим опытом командования»), 48 76-миллиметровых противотанковых и 72 85-миллиметровых зенитных орудий (эти орудия – прямые «потомки» грозных германских 88-миллиметровых зениток; как и немецкие аналоги, советские артсистемы были весьма эффективны против танков), 16 37-миллиметровых зенитных пушек и 72 крупнокалиберных пулеметов ДШК. Бригада являлась полностью механизированной и получила все причитавшиеся ей тягачи, трактора и автомашины. Не было у подчиненных Москаленко недостатка и в боеприпасах (в том числе и бронебойных: последнее он подчеркнул особо). Еще **1 мая 1941 года**, когда Москаленко находился в Бендерах и прощался с навещавшей его матерью, ему «подумалось»: «хорошо, что она будет дома, в Донбассе, далеко от границы, за которой притаился враг. Я не знал, что война, которая скоро вспыхнет, докатится и туда...» (там же, с. 14). Иными словами, уже тогда – **в начале мая** – один из высокопоставленных офицеров 2-го мехкорпуса догадывался о *скором* начале войны и прекрасно знал, кто будет противником. И не мудрено! Вот что сообщает **Р. Иринархов** о происходившем накануне войны в соседнем 18-м мехкорпусе Одесского Особого военного округа: «**11–12 мая 1941 года** на совещании в штабе 18-го механизированного корпуса было четко сказано комкором П. В. Волохом: **с 22 по 28 июня Германия начнет военные действия**» (ссылка на Самсонова А. М., «Знать и помнить», 1989, с. 84) («Красная Армия в 1941 году», с. 419).

Правда, то, что «обороняться» его мехкорпусу придется *на своей земле*, Москаленко даже в голову не пришло... В этих тревожных мыслях его еще более укрепил разговор с командующим КОВО М. П. Кирпоносом, состоявшийся примерно **7 мая** – после короткого визита в Москву. «Знайте, – предупредил его командующий Киевским Особым военным округом, при-

нимая по случаю нового назначения, – времени мало. Люди и техника находятся в дороге, часть из них уже на месте. Скоро вы получите все, чего не хватает для штатов военного (!) времени. Нужно сосредоточить внимание на боевой подготовке и форсировании формирования. Поспешите!» (там же, с. 16). Ему вторил и начштаба округа Пуркаев (к слову, бывший сотрудник Разведупра и советский военный атташе в Германии): «Группировка немецких войск на границе увеличивается. Их пограничники ведут себя нагло, дерзко» (там же, с. 17). Жаль, что Москаленко не расшифровал последние слова Пуркаева: в чем, интересно, заключалась «наглость» гитлеровских пограничников?.. Не задницы же они голые, в самом деле, показывали... Так или иначе, в Киеве Москаленко не задержался: даже не успев повидаться со старыми друзьями, только что назначенный командир противотанковой артбригады РГК «поспешил на запад» – в том же направлении, в котором, как можно легко заметить, перемещались накануне «внезапной» войны практически все упоминаемые нами мемуаристы. Проверьте сами: на восток – отражать возможное нападение не менее опасных, агрессивных и вероломных японцев – ехать никто даже не собирался. И Рихард Зорге тут ни при чем...



БТ-7 и Т-26 на окраине села во время предвоенных учений (источник: <https://topwar.ru>)

«Прибывали все новые эшелоны с людьми и боевой техникой, – вспоминает Москаленко последние предвоенные недели, – разгрузка проходила быстро, четко» (там же, с. 19). Начиная с 8 мая он чуть ли не каждый день встречался с уже знакомым нам командующим 5-й армией – М. И. Потаповым. Интересно, что бригада Москаленко вроде бы находилась в Резерве Главного командования и подчинялась напрямую Москве. Но, как и командир 9-го мехкорпуса Рокоссовский (находившегося в резерве округа), Кирилл Семенович тесно общался с командованием вышеупомянутой 5-й армии. Это означает, что все они *уже в мае* знали, кто и под чьим началом будет действовать в ближайшем будущем. Это, несомненно, является ясным признаком заблаговременно готовившейся крупной операции: иначе Москва не стала бы заранее разбрасывать резервными соединениями.

В середине июня Москаленко узнал и то, где планируется использовать его подчиненных. 16 июня его вызвал Потапов. Сначала оба военачальника обменялись откровенными мнениями по поводу опубликованного накануне «успокаивающего» Заявления ТАСС: оно, как мы помним, предназначалось для «лохов»-немцев. После чего командующий 5-й армией как бы между прочим посоветовал командиру артбригады прямого московского подчинения: «У тебя, Кирилл Семенович, части моторизованные, подбери хороших, грамотных в военном отноше-

нии людей и пошли на границу, пусть проведут рекогносцировку местности и проследят за немцами, их поведением. Да и для тебя это будет полезным: бригаде следует изучить местность на всем возможном фронте армии. Кто знает, что может произойти в будущем» (там же, с. 21). Далее следует совсем уж странная сцена: Потапов достает из сейфа секретную карту с нанесенным на нее расположением войск армии и демонстрирует ее в подробностях человеку, формально не имеющему к этой армии никакого отношения. После чего тот берет под козырек и высылает три разведывательно-рекогносцировочные группы к границе – в районы Любomla, Устилуга, Сокаля. Те докладывают, что на другом берегу Западного Буга наблюдается оживленное движение, отмечается работа таких же «разведывательно-рекогносцировочных» групп Вермахта, а немецкие саперы разбирают инженерные заграждения на границе. Вывод Москаленко: «У меня не осталось сомнений в том, что фашисты нападут на нас в один из ближайших дней. Так я и сказал командующему армией» (там же, с. 23). «Этот наш разговор, – делится Москаленко подробностями общения с вроде бы не имеющим к нему прямого отношения командармом, – произошел 20 июня, когда Потапов снова вызвал меня к себе в Луцк». Во время этой беседы весьма возбужденный командующий 5-й армией даже не предложил гостю присесть. Так – стоя – он и передал приказ командующего округом, получившего, в свою очередь, соответствующий приказ наркома обороны: «вывести всю боевую технику в леса» (там же, с. 24). Как и большинство прочих советских мемуаристов, Москаленко объясняет этот странный приказ Тимошенко (его бригада и так находилась в лесу с самого начала формирования – по приказу все того же Потапова: предлагаю убедиться в этом, посмотрев на страницу 18 его воспоминаний), отданный за два дня до начала войны, необходимостью устранения демаскирующих войска дефектов. Так или иначе, как и большинство иных моторизованных частей и соединений РККА, делавших в период с 17 по 21 июня ровным счетом то же самое (вспомним, скажем, мемуары Ротмистрова, писавшего приказы, запрещавшие танкистам его корпуса жечь костры в приграничных лесах), бригада Москаленко со всем хозяйством переехала из «леса в лес». Напомню приведенные несколько выше воспоминания Федюнинского, 15-й стрелковый корпус которого подчинялся все тому же «командарму-5» Потапову: полки его стрелковых дивизий направились туда же – в приграничные леса в восьми километрах от границы. Но сделали это чуть раньше, чем моторизованные части 5-й армии – *еще в начале июня*.

Зададимся следующим вопросом. Как пишут практически все советские мемуаристы, немецкие самолеты каждый день летали над местами расположения моторизованных и артиллерийских частей Красной Армии, во множестве скопившихся в приграничных округах. И вот, в одно прекрасное утро, германские летчики видят, что вместо аккуратно выставленных ровными рядами сотен танков, тысяч артиллерийских орудий и десятков тысяч автомашин остались лишь некрасивые пятна пожелтевшей травы. Огромные парки боевой техники исчезли буквально за одну ночь! И никаких пыльных столбов – от уходящих на восток колонн – не видно! Наоборот, в приграничных лесах вдруг стало еще теснее. И так – на всем протяжении советско-германской границы. Что в таком случае могли подумать гитлеровские генералы? К какому выводу должны были прийти? Да к такому же, что и Москаленко: «Нападут в один из ближайших дней»! Таким своеобразным способом Красная Армия выполняла приказы из Москвы: «не провоцировать» и не «поддаваться на провокации»...



БТ-7 образца 1937 г. 7-го МВО на учениях в октябре 1940 г. (источник: <https://topwar.ru>)

Так или иначе, прозорливый командир бригады, «не имевший сомнений в нападении немцев в ближайшие дни», как-то забегался и забыл донести свои опасения до подчиненных. Об этом свидетельствует приведенный им же пассаж, описывающий первые часы войны: «Мы проскочили мимо аэродрома и прибыли в лагерь, к зданию, где размещался штаб. Я поднялся на второй этаж и забежал в комнату, в которой жил М. П. Земцов. Он улыбнулся и спросил: «Что, маневры начались? То-то слышу разрывы и стрельбу, но бригада в них участия не принимает, и поэтому тревогу я не объявлял» (там же, с. 25). Характерно, что Москаленко, который сам же и не сообщил офицерам бригады о своих гениальных догадках в отношении немецких намерений, «резко ответил»: «Какие к черту маневры! Война!». Судя по воспоминаниям упоминавшегося выше Горбатова, таким же «справедливым» и «вежливым» Москаленко остался и на последующих этапах войны: служить под его началом было просто пыткой.

А вот еще один штрих по поводу короткого митинга, посвященного войне: в глазах некоторых подчиненных Москаленко видит «непонимание» и «боль» (там же, с. 27). Откуда могли взяться подобные эмоции у людей, многих из которых месяц назад тайно призвали из запаса и отправили на границу – готовиться к «скорой» войне (вместе с командирами, переведенными на казарменное положение)? Готовиться, как пишет Москаленко, «в любую погоду», «по 8–10 часов в день, а также по 2–3 ночных занятия в неделю» (там же, с. 18)? Что это за «непонимание»? Что тут неясного? Как и ждали, напал страшный враг: его надо разбить и прогнать. Чего же прощэ?..

Слово «командарму-16»

До этого момента я цитировал преимущественно тех военачальников, которые накануне войны командовали бригадами, дивизиями и корпусами. Теперь обращусь к книге «Командарм Лукин», авторами которой стали **Виктор Муратов** и **Юлия Городецкая (Лукина)** – дочь легендарного военачальника. Первая глава книги называется «Скорый поезд № 1». В ней дочь командарма описывает прощание Лукина с семьей на Киевском вокзале в Москве в «июньский день» 1941 года – по-видимому, **13 июня**, так как на следующий день в газетах появилось хорошо известное Сообщение (Заявление) ТАСС. Никогда не любивший подобных проводов Михаил Юрьевич в этот раз «сам попросил семью проводить его» (с. 3). «Генерал Лукин, – вспоминает его дочь, – был необычайно возбужден, даже пытался напевать: “Чтоб со скорою победой возвратился ты домой!” Его молодая супруга – Надежда Мефодиевна – улыбалась, но на душе было тревожно... “Ты едешь на войну?” – прямо спросила она. Гудок паровоза и лязг буферов будто бы помешали ему расслышать ее слова. Вместо ответа он обнял жену:

- Держись, мамуся! Все будет хорошо.
- Ты не ответил мне.
- Михаил Федорович поцеловал дочь:
- Береги маму, дочка...» (там же, с. 4–5).



М. Ф. Лукин перед Великой Отечественной войной

Сразу подскажу читателю, каким образом командарм Лукин оказался на Киевском вокзале 13 июня 1941 года: его 16-я армия, совсем недавно находившаяся в Забайкалье – для защиты Монголии от Японии – начиная с 26 мая спешно перебрасывалась в Украину (там

же, с. 20). Как видим, его домочадцы прекрасно понимали, куда направлялся муж и отец, и почему он воодушевленно распевал про «скорую победу»... Кстати, 24 июня – через каких-то десять дней после сцены на Киевском вокзале – он уже без надежды на эту самую скорую победу будет говорить бойцам: «Думаю, что на всех хватит этой проклятой войны. Гитлера, конечно, разобьем, но не так скоро...» (там же, с. 31). Командарм оказался прав: его ждали подвиги, раны, плен и застенки НКВД...

Почему СССР хотел строить «большой флот» в Германии

Разговор о том, насколько «внезапным» оказалось немецкое нападение для советского военно-морского флота, предлагаю начать издалека – с конца 30-х годов. **Руслан Иринархов** в книге «РКВМФ перед грозным испытанием» рассказывает о некоторых действиях командования флота накануне войны. Так, еще «в 1939 году Комитет обороны при СНК СССР по представлению наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова вынес решение о резком сокращении числа строившихся линкоров и тяжелых крейсеров, а **19 октября 1940 года** вышло постановление правительства о запрете на закладку новых кораблей этого класса» (с. 196). Казалось бы, вот они, наконец подтвержденные миролюбивые намерения СССР! Советский Союз отказывается от создания флота «больших морей»! Но не будем торопиться... «Чем было вызвано такое решение?» – спрашивает Р. Иринархов. На этот вопрос ответил сам нарком ВМФ Кузнецов: «Когда Гитлер в сентябре 1939 года напал на Польшу, очевидно, следовало сразу решать, как быть дальше с судостроительной программой. Строительство большого флота мы могли продолжать прежними темпами, только будучи совершенно уверены в том, что война начнется нескоро. Коль скоро такой уверенности не было, а ее и не могло быть, дорогостоящую, отнимавшую массу ресурсов программу следовало немедленно свернуть. Мы не внесли такого предложения. Считаю это своей ошибкой» («Накануне», с. 244).

Сожаления Кузнецова звучат несколько странно в свете информации, сообщенной Р. Иринарховым: тот ясно пишет, что именно по представлению наркома ВМФ правительство и приняло такое решение **еще в 1939 году**. Мало того, на следующей странице своих мемуаров Кузнецов фактически подтверждает сказанное Иринарховым: «Строительство крупных кораблей начало свертываться весной 1940 года... В тот период быстро увеличивалось производство всех видов наземного (!) вооружения – пушек, танков и т. д. Металла и мощностей не хватало. В связи с этим и решили временно прекратить постройку линкоров и тяжелых крейсеров. Коренной пересмотр программы произошел в октябре 1940 года, после чего стали строить лишь подводные лодки и малые надводные корабли – эсминцы, тральщики и т. д... Новые линкоры так и остались на стапелях» («Накануне», с. 245). Получается, что до подписания Пакта Молотова – Риббентропа и гитлеровского нападения на Польшу у советского правительства и командования флота была уверенность в том, что уже заложенные линкоры успеют достроить до начала Большой войны (по словам Кузнецова, процесс строительства кораблей подобного класса в СССР занимал в среднем **три – пять лет**). А вот после подписания договора о ненападении такая уверенность практически немедленно испарилась! Выходит, **трех мирных лет у страны Советов больше не просматривалось!**

По словам Кузнецова, в Германии программа строительства «большого флота», рассчитанная до 1944 года (кстати, до этого срока у Гитлера и в мыслях не было воевать с Англией и Францией), включала «постройку 10 огромных линкоров, 4 авианосцев, 15 броненосцев (*прим. автора: так немцы называли тяжелые крейсера*), 49 крейсеров, 248 подводных лодок. Но война разразилась раньше (*прим. автора: чем рассчитывал Гитлер!*), в 1939 году, и фашисты **практически ничего не успели сделать для усиления своего флота**» («Накануне», с. 274). На самом деле, они, разумеется, успели сделать многое, что и показали тяжелые потери британского флота, понесенные уже в начале войны. Да и гораздо более мощному советскому флоту

Кригсмарине спуска не давали. «Практически ничего» – это по советским меркам... Знаменитый немецкий адмирал-подводник **Карл Дениц** (*Karl Dönitz*) в книге «Десять лет и двадцать дней» приводит похожие, но все же несколько иные цифры: «Была составлена долгосрочная программа строительства... флота, оформленная в так называемом плане «Z». Этот план предусматривал постройку до 1948 года следующих боевых кораблей: 1) 6 линейных кораблей водоизмещением по 50 000 тонн (помимо «Бисмарка» и «Тирпица»); 2) 8 (позже 12) броненосцев (*Panzerschiffe*) водоизмещением по 20 000 тонн; 3) значительное количество легких крейсеров; 5) 233 подводных лодки. В **январе 1939** года Гитлер утвердил этот план и потребовал выполнения его **в течение 6 лет**» (с. 47). Прошу обратить внимание на дату окончания программы – **1944 год**. До создания «большого флота» и Гитлер, и его генералы с адмиралами даже не помышляли об открытом столкновении с флотами Англии и Франции. «22 июля 1939 года, – пишет Дениц, – главнокомандующий от имени Гитлера сообщил собравшемуся на посыльном судне «Грилле» офицерскому составу подводных сил, что войны с Англией не будет, так как это было бы равнозначно *Finis Germaniae* (там же, с. 51). Эта информация о вполне здравом нежелании «бесноватого» ввязываться в новую мировую войну осенью 1939 года (что могло привести – и привело! – к «концу Германии») подтверждается и другими источниками. **Уильям Ширер** (*William Shirer*) в книге «Взлет и падение Третьего рейха» цитирует дневник командующего германским флотом **Эриха Редера**: «Сегодня началась война против Англии и Франции, война, которой нам не следовало по прежним заверениям фюрера опасаться до 1944 года. Фюрер до последней минуты уверял, что ее удастся избежать, даже если для этого придется отложить решение польского вопроса... Что касается флота, совершенно очевидно, что он не оснащен в такой степени, чтобы вести большую войну против Великобритании... Силы подводного флота еще слишком малы, чтобы оказать решающее влияние на ход войны. Более того, надводный флот настолько уступает британскому по численности и мощи, что, даже если собрать его весь, он сможет лишь продемонстрировать, что моряки умеют погибать с честью...» (с. 640).

Отметим, что грандиозный план германского морского строительства был принят **после** советского: тот, по словам Кузнецова, был «представлен в правительство в начале 1938 года» («Накануне», с. 238). Советский адмирал не приводит конкретных данных ни о планируемом количестве крупных надводных кораблей, ни о сроках окончания советской программы, зато упоминает, что, скажем, подводных лодок всех категорий планировалось построить 378 – и это вдобавок к уже имевшимся. По словам Кузнецова, «к 1941 году» (то есть, еще в 1940 году) в составе советского военно-морского флота имелись 218 субмарин («Накануне», с. 279). Напомню, что немецкая шестилетняя программа «замахнулась» аж на 233 подлодки. На 1 сентября 1939 года весь подводный флот Германии насчитывал 56 единиц, а в «феврале 1941 года в строю осталось всего... 22 подводные лодки» (с. 56 книги Деница). «Это означало, – пишет германский историк **Йоахим Хофман** (*Joachim Hoffmann*) в своей книге «Stalin's War of Extermination. 1941–1945», – что советские Вооруженные Силы обладали большим флотом подлодок, чем любая другая страна мира, имея **в четыре раза больше** субмарин, чем у ведущей морской державы – Великобритании» (здесь и далее перевод с английского мой, с. 33). Вдобавок же к этому и так впечатляющему подводному арсеналу (больше, чем у Германии, Англии и Франции вместе взятых!) планировали построить еще несколько сотен субмарин. Теперь, думаю, понятно выражение Кузнецова по поводу предвоенных усилий немцев – «практически ничего» («Чего тут пить?!»)... Почему я заостряю на этом внимание? А вот почему: «Подводная лодка, – пишет в своих мемуарах гитлеровский адмирал-подводник, – менее всего пригодна для обороны: она очень уязвима в надводном положении (особенно от артиллерийского огня) и вдобавок относительно тихоходна... Но в то же время подводная лодка представляет собой ярко выраженное тактическое наступательное средство» («Десять лет и двадцать дней», с. 18). Иными словами, подлодка начала 40-х – эдакий аналог крейсерского танка БТ на

суше или пикирующего бомбардировщика Ju-87 в воздухе. С сильным противником им связываться не с руки, но против уязвимых целей они подходили как нельзя лучше. Такое вот у СССР было «наступательное» миролюбие...



Советская подводная лодка Щ-311 «Кумжа» (тип «Щука», серия V-бис-2) в гавани Кронштадта. 1940 год

Но вот, началась Вторая Мировая война, и немцам пришлось принимать трудное решение. Выполнение только что начатого «плана Z» было прекращено. «В сентябре 1939 года, – пишет главный германский подводник, – главнокомандующий ВМС издал приказ, касавшийся кораблестроения. В соответствии с этим приказом программа строительства кораблей мирного времени отменялась. Новая программа при тех же сжатых сроках предусматривала постройку следующих кораблей:

1. Строительство новых подводных лодок различных типов согласно требованиям командующего подводными силами.
2. Продолжение строительства линейных кораблей «Бисмарк» и «Тирпиц», крейсеров «Принц Ойген» и «Зейдлиц», а также авианосца «Цеппелин» (*прим. автора: крейсер «Зейдлиц» и авианосец «Граф Цеппелин» так и не вступили в строй*).
3. Строительство новых эскадренных миноносцев, больших и малых катерных тральщиков, а также торпедных катеров» («Десять лет и двадцать дней», с. 129).

Итак, немцы поступили вполне логично и законсервировали строительство крупных надводных кораблей (за исключением уже почти достроенных и спущенных на воду). Вместо этого они сконцентрировали усилия на резком увеличении подводного флота, строительстве малых надводных кораблей и производстве наземных вооружений. То есть сделали ровным счетом то же, что и пока не вступивший в Большую войну Советский Союз. Правда, в действиях Сталина и Гитлера имелись и важные отличия...

Современный белорусский историк *С. Захаревич* в книге «Босфорский поход Сталина» приводит весьма интересный факт: оказывается, «в 1939-м СССР хотел купить у Германии не один тяжелый крейсер, а целую эскадру – 1–2 линкора и 3 тяжелых крейсера» (с. 188). Это косвенно подтверждает и тогдашний военно-морской нарком Кузнецов на странице 244

своих мемуаров: «В конце 1939 года в Германии был куплен крейсер «Лютцов» (*прим. автора: тяжелый крейсер водоизмещением 14 500 тонн, переименован в «Петропавловск», затем – «Таллин»; так и не был достроен; в ходе войны использовался в качестве плавучей батареи, после войны пущен на слом*). Согласно **И. Буничу**, в 1940 году советский военный атташе вел в Берлине переговоры о покупке тяжелого крейсера «Зейдлиц» («Фатальная ошибка Сталина», с. 409). Уильям Ширер делится еще более интригующей информацией: оказывается, помимо крейсера «Лютцов», Советский Союз должен был получить еще и проектную документацию на самый современный тип линкора – знаменитый «Бисмарк». А кроме того, еще и «тяжелые морские орудия и другое оборудование, а также примерно 30 самолетов новейших марок, в том числе истребители «Мессершмит-109» и «Мессершмит-110» и пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-88»... дизельные двигатели, корабли, станки и образцы немецкой артиллерии, танков, взрывчатых веществ, оснащение для ведения химической войны и т. д.» («Взлет и падение Третьего рейха», с. 685).

«Что за чертовщина!» – вполне резонно заметит читатель, только что узнавший из книги Р. Ириархова, что в том же 1939 году правительство СССР «заморозило» программу создания своих собственных линейных кораблей и крейсеров. Что это могло бы значить?.. С. Захаревич на основании приведенной им информации делает следующий неожиданный вывод: «таким образом, в 1939-м Германия для Сталина еще не являлась противником даже в ближайшей перспективе», а «...его главным противником предстояло стать объединенному флоту Антанты» («Босфорский поход Сталина», с. 188).



Линейный корабль Черноморского флота «Парижская коммуна» (до марта 1921 и с 31 мая 1943 года носил имя «Севастополь») ведет огонь по позициям врага из Южной бухты Севастополя

Осмелюсь оспорить это утверждение: «Становилось уже очевидным, – пишет о кануне начала «Большой войны» адмирал Кузнецов, – что опасность войны в Европе нарастает и что **фашистская Германия – наш наиболее вероятный противник**. Мне кажется, не случайно именно в это время вышли на экраны сразу получившие большое признание фильмы: “Александр Невский” – о героической борьбе русских людей против тевтонских рыцарей и “Про-

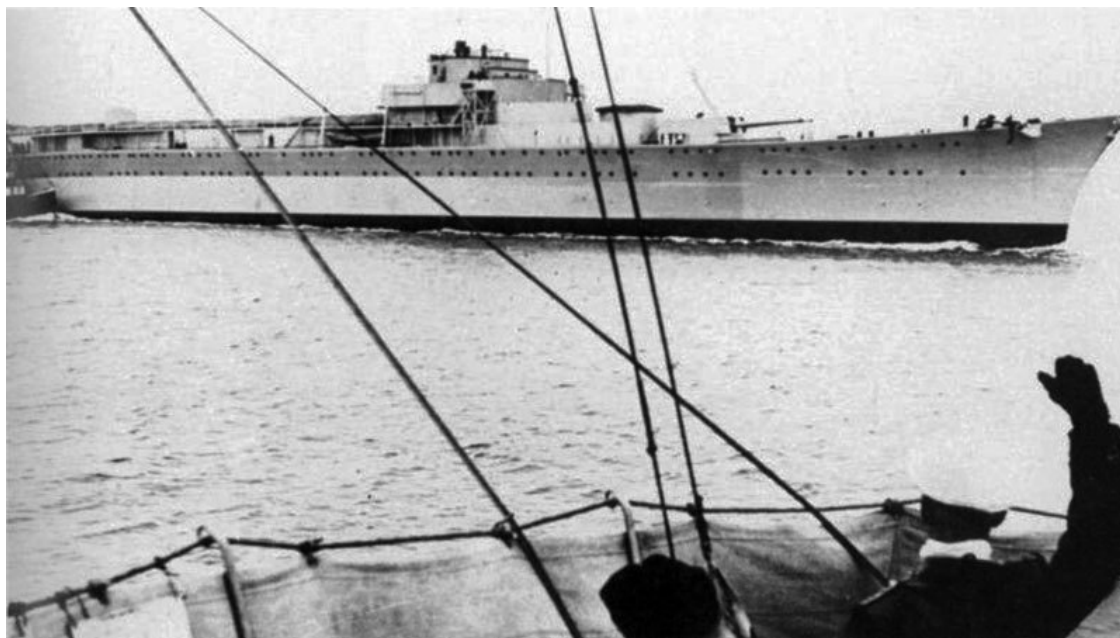
фессор Мамлок” – о звериной сути гитлеровского фашизма» («Накануне», с. 209). Адмирал абсолютно прав: случайно в сталинском СССР делали разве что детишек и «товары народного потребления». Если бы Иосиф Виссарионович действительно решил, что Гитлер теперь «друг навек», то не отдал бы **19 августа 1939 года** – еще до подписания московских договоров с Риббентропом и начала Второй Мировой – распоряжение о многократном (**более чем в два с половиной раза за неполных два года**) увеличении сухопутных сил Советского Союза. Хочу сделать одно смелое предположение: если бы С. Захаревичу попались на глаза оба, казалось бы, взаимоисключающих друг друга факта, касавшихся строительства линкоров и тяжелых крейсеров, то он, скорее всего, сделал бы несколько иной вывод.

Поясню: по размерам отвлекаемых ресурсов (металл, высококвалифицированные конструкторы, инженеры и рабочие, электроэнергия, подготовка и экипировка команды, «расходные материалы»), один единственный тяжелый крейсер – это приблизительный эквивалент нового оборонного завода, мощной тепловой электростанции или нескольких полностью оснащенных танковых дивизий. Значение для СССР подобных кораблей в ходе войны с Германией было весьма относительным. Это, собственно, показал и весь ход Великой Отечественной: ни один из тяжелых кораблей Красного ВМФ, на которые были потрачены огромные деньги, ни разу не использовался по «прямому назначению» – для борьбы с крупными надводными кораблями противника или нарушения его стратегических морских коммуникаций. В лучшем случае советские крейсера поддерживали своим (не всегда метким) огнем морские десанты, перевозили войска и грузы (Таллин, Одесса, Севастополь), а позже осуществляли их эвакуацию.

Фактически всю войну они добросовестно (и часто героически) выполняли задачи по поддержке действий сухопутных армий. Никаких самостоятельных задач советский флот «больших морей» не получал и не решал. Линкоры РКВМФ вообще все время стояли на приколе и использовались в качестве плавучих батарей в ходе обороны военно-морских баз – Севастополя и Ленинграда. Там, у причальных стенок, их порой и топили немецкие пикировщики. Действительно же линкоры и тяжелые крейсера на западных морских театрах могли понадобиться Сталину лишь в тот момент, когда речь зашла бы об «освобождении» эксплуатируемого капиталистами рабочего люда Великобритании. На этот случай в советских «шарашках» и самолет удивительный проектировали – стратегический пикирующий бомбардировщик. К слову, такой же странный самолет (и для тех же целей – топить английские линкоры с крейсерами на их базах в Соединенном Королевстве) делали и в Германии. Правда, в отличие от советского, германский проект «бомбардировщика А» практически довели до ума – и получился He-177 «Грейф» (см. с. 120–127 книги *Дэвида Дональда (David Donald)* «Боевые самолеты Люфтваффе»). Этот же самолет, к слову, предназначался и в качестве носителя германской атомной бомбы (там же).

В общем, тут я с С. Захаревичем полностью согласен: Иосиф Виссарионович прекрасно понимал, «кто в море хозяин». Судя по всему, вождь всех народов имел неплохое представление о Крымской войне XIX века. Соответствующее исследование о коварстве англичан – «Крымская война» – написал и опубликовал в 1941–1943 годах неоднократно облаканный вождем советский историк академик Е. Тарле. Эту книгу, кстати, я рекомендую всем любителям российской истории: в ней пыливый читатель сможет найти множество параллелей с современностью. Там и «происки Запада», и «кольцо врагов», и воровство с мздоимством, возведенные в ранг государственной политики, и запуганные соседи, и желчный самодержец, безуспешно борющийся с им же выстроенной косной системой, при которой «наверх» выбираются исключительно тихие ворюги и громкие ничтожества. Хорошо помнил о Крымской войне и, по его собственному признанию, даже готовился в 30-х годах к повторению «крымского» сценария, адмирал Кузнецов. Иного рационального объяснения, кроме планировавшейся в течение долгого времени войны с Антантой, нельзя найти и факту превращения Севастополя в неприступную морскую крепость. От кого его собирались защищать с помощью сверхтяжелых

орудий – от немцев?.. Но у них в ту пору – когда проектировались и строились мощнейшие форты – и флота-то практически не было! А если бы таковой и имелся, ему было бы тяжело попасть в Черное море. Он, кстати, там и во время Великой Отечественной отсутствовал... Австрийский историк Эрнст Топиш написал по поводу советского кораблестроения следующее: «Только недавно стало известно, что в качестве составной части военной экспансии, Сталин в 1935–1936 годах одобрил программу строительства военного флота, которая была призвана превратить Советский Союз в самую могущественную морскую державу к 1947 году. Этот план был совершенно очевидно направлен против Англии и США, являвшихся оплотом мирового капитализма и служивших главным препятствием на пути Москвы к мировому господству. В качестве операционной базой для этой чудовищной армады понадобилось бы атлантическое побережье Европы. Для достижения Атлантики, Германия сначала должна была быть использована как таран против западных держав, а затем отброшена в сторону. Однако германский Вермахт нарушил этот план и не позволил добиться полного успеха в его воплощении» («*Stalin's War of Extermination. 1941–1945*», с. 13). В общем, товарищ Сталин действительно не делал особых различий между «освобождением» английских и германских рабочих: они все были одинаково дороги его большому и доброму сердцу. С течением времени он разобравшись бы со всеми извергами-эксплуататорами. Но *не сразу со всеми* – на это бы силенок не хватило даже у могучих РККА и РКВМФ, а *по очереди*. В этом, собственно, и нужно искать ключ к так называемой советской политике «борьбы за мир», столь усердно претворявшейся в жизнь «самым миролюбивым государством планеты» накануне Второй Мировой. Политику эту, к слову, проводили столь хитро, что Большая война началась гораздо раньше, чем рассчитывали *все* первоначально вступившие в нее государства. И началась *без участия СССР*, руководство которого, тем не менее, *сознательно подтолкнуло* маньяка Гитлера к нападению на Польшу: это я продемонстрирую во второй части данной работы.



Недостроенный немецкий тяжелый крейсер «Лютцов» во время буксировки в СССР (источник: <http://bastion-karpenko.ru/83-/>)

Так вот: когда Сталин одной рукой прекращал программу строительства флота «больших морей» в СССР, а другой – заказывал те же линкоры и крейсеры в Германии, он поступал совершенно логично. С одной стороны, советская военная промышленность могла сосредоточить усилия на создании гораздо более полезного в войне с «германцем» подводного флота

(и так, к слову, немало) и стремительном наращивании сухопутного потенциала. Все это, напомним, открыто признал и адмирал Кузнецов. Шутка ли – за каких-то два года оснастить тридцать механизированных корпусов, десятки новых стрелковых дивизий, сотни артиллерийских и авиационных полков! С другой же стороны, окажись Гитлер сотоварищи чуть более глупыми, и тогда немецкой промышленности пришлось бы тратить дефицитные ресурсы на строительство линкоров и крейсеров для своего «злейшего друга». Которые, кстати, так или иначе попали бы в руки Сталина в целости и сохранности после предстоявшего вскоре «освобождения» Германии.

В одной из своих книг Виктор Суворов попытался раскрыть загадку огромной интенсивности поставок советского сырья и продовольствия Германии в мае – июне 1941 года. Казалось бы, зачем, зная как минимум с начала апреля о набирающем обороты немецком развертывании на Востоке, Сталин гнал сверхплановые эшелоны с зерном и нефтью своему будущему противнику? Да еще и в ситуации, когда сами немцы откровенно «тянули резину» с ответными поставками... Автор пришел к вполне, с моей точки зрения, логичному выводу: таким образом руководство СССР сознательно «загружало» германские железные дороги, ограничивая тем самым и так скромные возможности Вермахта (на тот момент в Германии было *меньше паровозов, чем во время Первой Мировой войны*) по перевозке войск в наиболее важный момент. Но, сказав «А», Владимир Богданович не произнес «Б». Дело в том, что все эти горы сырья, передаваемые Германии, Сталин вполне мог считать «своими»: после внезапного советского удара все эти богатства вновь оказались бы в его руках – вместе с достроенными и недостроенными военными и гражданскими кораблями...

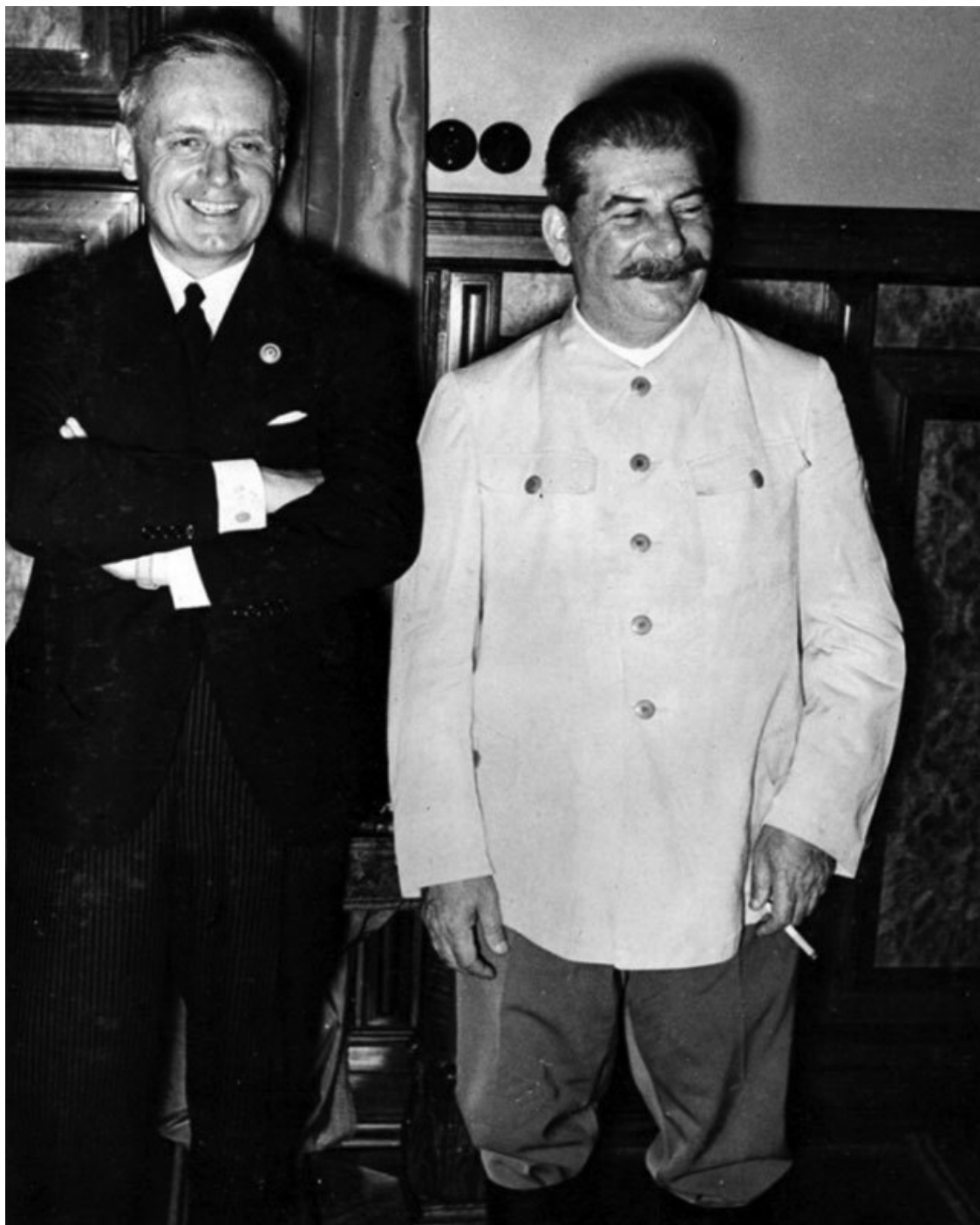
Допускаю также, что самый выдающийся партийный деятель всех времен и народов вполне мог планировать активное участие «освобожденных» гитлеровских моряков и их флота в ударе по другому общему вековому врагу – спрятавшейся на своих островах спесивой Великобритании. В конце концов, заставил же Иосиф Виссарионович служить себе ненавидевших его жителей стран Балтии, западных украинцев, поляков, румын и болгар! Все они – пусть и без восторга – шли под немецкие пули в 1944–1945 годах в составе либо советских, либо «национальных» соединений и армий. А «благородным» англичанам и «честным» американцам пришлось засунуть свои гордость и принципиальность подальше и согласиться на советизацию Польши (ради защиты которой, напомним, Англия с Францией и вступили в войну) и других восточноевропейских стран, а также выдать на съедение Сталину десятки тысяч казаков-белогвардейцев² и членов их семей...

Почему Гитлер все же продал Сталину тяжелый крейсер «Лютцов»? Скорее всего, осенью 1939 года «бесноватый» действительно переоценил крепость советско-германской дружбы «против Англии», да и ресурсов, как мы знаем, у немецких судостроителей на все не хватало. Не стоит забывать и о других не очень логичных поступках фюрера: например, когда уже в ходе подготовки к войне с СССР – осенью 1940 года – будущему противнику передавались образцы самых современных танков и самолетов. Мое личное мнение: так проявлялись столь свойственные Гитлеру чрезвычайная самоуверенность, авантюризм и одно весьма пагубное пристрастие – постоянно бросать вызов судьбе. Но вернемся к разговору о том, насколько внезапным оказалось фашистское вторжение для руководства рабоче-крестьянского ВМФ...

² Имеется в виду насильственная выдача англичанами и американцами Советскому Союзу, по разным источникам, от 45 до 60 тыс. казаков, воевавших на стороне Германии во время Второй Мировой войны (преимущественно находились в составе частей Казачьего стана и 15-го казачьего кавалерийского корпуса), а также беженцев (женщин, детей, стариков), ушедших с немцами с Терека, Кубани и Дона.

Советский флот накануне войны, или «Неожиданность, которую ждали»

Вновь обращаюсь к воспоминаниям адмирала Н. Г. Кузнецова. Как он уже говорил, подписание Пакта Молотова – Риббентропа отнюдь не сбило его с панталыку. «После подписания договора, – рассказывает он, – состоялся прием в Екатерининском зале Кремля. Я на приеме не присутствовал, мне рассказал о нем В. П. Пронин, возглавлявший в то время исполком Моссовета. Риббентроп, войдя в зал, приветствовал присутствовавших обычным фашистским жестом – выбросив вперед вытянутую руку с восклицанием «Хайль Гитлер!». Сталин улыбнулся и ответил насмешливо церемонным поклоном. За обедом Сталин явно не хотел оказаться возле гитлеровского посланца и попросил В. П. Пронина сесть рядом с ним. Прием проходил натянуто, в холодно вежливом тоне» («Накануне», с. 215). Положим, тут товарищ Пронин несколько «соврамши»: согласно другим источникам, главный коммунист планеты поднимал тосты за здоровье отсутствовавшего фюрера германской нации, а Риббентроп явно не заметил этой самой «холодной вежливости». Наоборот, он был в полном восторге от оказанного ему теплого приема и впоследствии утверждал, что в ходе вечеринки чувствовал себя как дома – словно среди «товарищей по партии». Вот что на этот счет сообщает английский историк **Лоренс Риз** (*Laurence Rees*) в своей книге *«World War II. Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and The West»*: «Атмосфера, – писал Андор Хенке, германский дипломат, присутствовавший на встрече после подписания договора в качестве переводчика, – которая и так уже была очень приятной, стала просто сердечной. Сталин и Молотов были самыми гостеприимными хозяевами, которых только можно представить. Правитель России наполнял бокалы гостей, предлагал им сигареты и даже помогал им прикуривать» (*здесь и далее перевод с английского мой.* – Авт.). Первый тост, который перевел Хенке, был поднят Сталиным: «Поскольку я знаю, как германский народ любит своего фюрера, я хочу выпить за его здоровье!» (с. 18). Он же, судя по воспоминаниям фотографа Гитлера Хофмана, поднял и другой тост – «за себя, родного»: «Давайте выпьем за нового антикоминтерновца – Сталина!» (там же). На упоминаемом Прониным приеме в Кремле он вообще представил Берию Риббентропу следующим экстравагантным образом: «А это мой Гиммлер! Тоже ничего: с работой справляется!» (там же, с. 32). Мне, честно говоря, трудно представить, чтобы подобную шутку в отношении ближайшего соратника в присутствии министра иностранных дел другой страны позволил себе «бесноватый» Гитлер...



Иосиф Виссарионович доволен (вместе с Иоахимом фон Риббентропом)

Но главное заключается в другом факте, подтвержденном партаппаратчиком Прониным: «Когда Риббентроп покинул помещение и остались только свои люди, Сталин сказал: «Кажется, нам удалось провести их» («Накануне», с. 215). Правда, в изложении других свидетелей (например, Хрущева) Сталин проявлял свои эмоции гораздо более бурно и чуть ли не кричал хвастливо что-то вроде «Надул Гитлера! Надул!». Эта деталь тем более важна, поскольку проявление чувств было для Сталина – чрезвычайно скрытного и сдержанного человека – почти неслыханным делом. Так или иначе, из воспоминаний Кузнецова сразу становится ясно, что *официальное замирение с Гитлером совсем не означало, что войны с Германией ждать более не приходилось*. Разумеется, Сталин, по собственному признанию адмирала, не делился с ним своими тайными планами («когда надо будет, поставят в известность и Вас»).

Но нарком все же обладал доступом к достаточно большому количеству источников информации (включая данные разведки, зарубежные газеты и журналы, публикации советских военных ученых и пр.), чтобы делать собственные выводы и руководствоваться ими в своей деятельности на посту наркома ВМФ. Эти внутренние ощущения наркома переросли в уверенность уже в июне 1940 года – на этапе советской аннексии Бессарабии: «Положение на Черноморском флоте больше не вызывало беспокойства. С германским флотом – вероятным будущим противником – он не соприкасался» («Накануне», с. 230). И это при том, что, как пишет сам же Кузнецов, Гитлер приказал начать разработку плана нападения на СССР только на совещании в ставке **22 июля 1940 года** (там же, с. 273) – спустя несколько недель после описываемых событий (и находясь под очень большим впечатлением от них). Явный же «перелом в отношениях с Германией», – признается адмирал на странице 274, – начал ощущаться лишь в конце 1940 года. Примерно тогда же Кузнецов приказал – «на свой страх и риск» – соорудить и бетонный бункер-убежище для наркомата ВМФ. Не от английских же бомбардировщиков он собирался в нем прятаться: они тогда и до Берлина-то едва долетали. Да и не он один комфортабельным убежищем обзавелся: таковое, например, появилось к началу войны и у ПВО Москвы.

Позаимствую еще несколько цитат из воспоминаний бывшего наркома флота Н. Г. Кузнецова, относящихся к теме «внезапности»:

«К началу 1941 года к нам стали просачиваться сведения о далеко не мирных намерениях Гитлера. Сперва сведения эти были скудными, потом они стали носить более разносторонний и в то же время определенный характер... Сводки Генштаба и донесения с флотов приносили тревожные вести... Думал ли об этом Сталин? Конечно, думал. Полагаю, *что у него было твердое убеждение, что война неизбежна, что она обязательно (!) вспыхнет на западе или на востоке. А возможно, в одно и то же время и там и тут*. Недаром же наши войска сосредотачивались одновременно и на западе, и на востоке. И тут, и там укреплялись границы. Да и перемещения крупных военачальников в конце 1940 года (*прим. автора: Гитлер утвердил директиву «Барбаросса» лишь 18 декабря 1940 года*) и в начале 1941 года тоже говорят о подготовке к войне «на два фронта». Вообще же, подготовка к возможному военному конфликту началась значительно раньше и проводилась последовательно с огромным напряжением сил» («Накануне», с. 277–278).

«**В конце января 1941 года**, – продолжает вспоминать адмирал, – из разговора с начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым я понял, что в Наркомате обороны озабочены положением на границах. Готовилась очень важная директива, нацеливающая командование округов и флотов на Германию как на самого вероятного противника в будущей войне. Директива вышла **23 февраля**» (там же, с. 289).

Важно отметить, что «положение на границах» в начале 1941 года могло вызывать «озабоченность» разве что у самих немцев: они еще не начинали всерьез развертывание сил для нападения на СССР, а вот темп сосредоточения соединений Красной Армии в приграничных округах неуклонно нарастал, начиная с осени 1939 года.

«В то время (*прим. автора: январь 1941 года*), – делится Кузнецов, – я взял себе за правило собирать в отдельной папке все мелкие, но подозрительные факты поведения немцев, чтобы при случае докладывать Сталину. О более крупных фактах мы сразу же докладывали письменно» (там же, с. 289).

«Июнь с первых же дней был необычайно тревожным, буквально не проходило суток, чтобы В. Ф. Трибуц не сообщал мне с Балтики о каких-либо зловещих новостях. Чаще всего они касались передвижения около наших границ немецких кораблей, сосредоточения их в финских портах и нарушений нашего воздушного пространства...» (там же, с. 293).



Учения торпедных катеров Черноморского флота. 1940 год (источник: <http://www.ochakiv.info/articles/5700100844158976>)

Заметим, что то же самое могли сказать в отношении подчиненных Кузнецова и будущие противники: накануне войны советская флотская авиация (у немцев, отметим, таковой просто не было – в интересах Кригсмарине действовали лишь несколько приданных морякам полков Люфтваффе) развила бурную активность. Сам же адмирал сообщает о проводившихся в то время очень необычных учениях Черноморского флота с уже упоминавшимся выше 9-м стрелковым корпусом Батова. Чем они были необычны? Это рассказывает сам прославленный адмирал: «Чем ближе шло дело к войне, тем больше внимания уделялось взаимодействию флота с войсками приграничного Одесского военного округа. Именно отработке такого взаимодействия было посвящено и последнее, закончившееся в канун войны, учение. Правда, на нем отрабатывались более активные задачи, поскольку предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать... Хотя флот вернулся с учения за сутки до войны и в море оружие на кораблях находилось в полной боевой готовности, тема учения не соответствовала обстановке, которая могла возникнуть с началом военных действий...» («Курсом к победе», с. 334). Если у читателя возникли трудности с расшифровкой этого нагромождения эвфемизмов, то попробую помочь: **прямо перед началом войны Черноморский флот отрабатывал самую что ни на есть наступательную** (читай: агрессивную) **десантную операцию по захвату чужих берегов**. Собираться в «гости» советские военные могли или к румынам (цели – порт Констанца, нефтяные скважины Плоешти), или к туркам (цель известна еще со времен царизма – проливы). Как мы помним, помимо флота и ударных пехотных частей, к десантированию готовился в Крыму и воздушно-десантный корпус Родимцева. Не думаю, что подобную операцию могли в то время планировать в отношении Босфора и Дарданелл: слишком большим было бы расстояние для перелета самолетов с десанниками. Поэтому напрашивается вывод: готовился захват объектов в Румынии. Интересно и то, что, в отличие от других флотов СССР западного базирования, Черноморский флот и в ходе учений, и после них находился в «предвоенной» готовности № 2. Участник учений И. И. Азаров свидетельствует о том,

что происходило **18–20 июня 1941 года** – после окончания маневров: «К бортам кораблей, стоявших на рейде и у причальных стенок, портовые буксиры подводили баржи с топливом и боеприпасами» («Осажденная Одесса», с. 11). Иначе говоря, и после учений моряки-черноморцы не спешили расслабляться и явно готовились к новым боевым походам и к скорому объявлению готовности № 1. Ход «последних учений» Черноморского флота пристально отслеживали и немцы с румынами – соответствующую запись можно найти в дневниках начальника немецкого Генштаба **Ф. Гальдера** (*Franz Halder*). Так, **13 июня 1941 года** он сделал следующую запись: «Из Румынии сообщают о скоплении кораблей, которые находятся в боевой готовности, юго-западнее Одессы...» («Военный дневник», с. 574). В этой связи интересно отметить, что Гальдер, в отличие от Йодля и Кейтеля, довольно скептически относился к вопросу о «советской угрозе». Поэтому все его записи на этот счет заслуживают особого интереса.

«В главном морском штабе, – продолжает Кузнецов, – мы вели график, по которому ясно было видно, что немецкие суда все реже заходят в наши порты. Кривая, круто падавшая к нулю, наводила на мысль о плане, составленном заранее и осуществляемом с типично немецкой пунктуальностью... Как нам стало известно, немецкий военно-морской атташе фон Баумбах обратился к своему начальству за разрешением выехать в командировку на родину. Все это нельзя было считать случайным стечением обстоятельств» («Накануне», с. 295). Адмирал абсолютно прав: упомянутый им график – классический пример того, как работают аналитики вообще и военные аналитики в частности. Именно таким элегантным образом из горы, казалось бы, не имеющих самостоятельной ценности фактов правильно обученные люди способны делать далеко идущие и порой очень точные выводы. Пример, приведенный Резуном-Суворовым, – с биржевыми ценами на баранину (и, соответственно, на овчину), которые не снижались или, наоборот, не росли в связи с отсутствием к ним интереса со стороны безалаберного руководства Вермахта, не планировавшего зимние операции в России, – по сравнению с вышеуказанным выглядит гораздо менее убедительным.

Из той же серии и следующий факт: «Совсем незадолго перед тем (*прим. автора: 22 июня 1941 года*) мне попался на глаза обзор иностранной печати и сводки ТАСС. Самые разные газеты писали о близкой войне между русскими и немцами. Не могли же все они стовориться!» (там же, с. 297). И вновь Кузнецов совершенно прав: такой уровень дезинформации (со стороны «провокаторов»-англичан или «подстрекателей»-американцев), когда абсолютно независимые друг от друга издания (включая, скажем, японские, итальянские и турецкие) пишут одно и то же – **просто невозможен**. Надо учитывать, что мировую прессу не смогли сбить с толку и масштабные дезинформационные мероприятия Геббельса, усиленно распространявшего противоречивые слухи, призванные замаскировать развертывание Вермахта у восточных границ Рейха и отвлечь внимание журналистов «утками» о якобы идущих мирных переговорах и предстоящем визите Сталина в Берлин. На это постоянно жалуется в своих дневниковых записях и сам **Геббельс**. В этой связи предлагаю обратить внимание на его дневниковую запись от 13 июня 1941 года («*The Goebbels Diaries. 1939–1941*», с. 406). А вот что написал по этому поводу уже упоминавшийся флотский замполит И. И. Азаров: «Мы знали, что английская печать всю трубит о возможном нападении Германии на Советский Союз, и расценивали это не только как далеко идущий ход воюющей страны по отношению к своему противнику...» («Осажденная Одесса», с. 7). Иначе говоря, «брехней» британские предупреждения совсем не считали...

«В те дни, – вспоминает Кузнецов, – когда сведения о приготовлениях фашистской Германии к войне поступали из самых различных источников, я получил телеграмму военно-морского атташе в Берлине М. А. Воронцова. Он не только сообщал о приготовлениях немцев, но и называл **почти точную дату начала войны**. Среди множества (!) аналогичных материалов такое донесение уже не являлось чем-то исключительным. Однако это был документ, присланный официальным и ответственным лицом. По существовавшему тогда порядку подобные

донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму И. В. Сталин. Мне доложили: да, получил» (там же, с. 294). «Для меня, – подводит итог Кузнецов своему собственному разговору о «внезапности», – бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, *он такую войну считал весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной*» (там же, с. 295). Заметим попутно, что именно М. А. Воронцов (который, занимая пост флотского атташе в Германии, являлся вдобавок кадровым разведчиком) появился в кабинете Сталина для доклада вечером 21 июня – вместе с гораздо более высокопоставленными военными и политическими функционерами СССР.

Как уже упоминалось, Р. Иринархов в книге «РКВМФ перед грозным испытанием» привел хронологическую подборку действий советского военно-морского флота накануне «внезапного» нападения немцев.

Так, **26 февраля 1941 года**, продублировав соответствующий документ Генштаба от 23 февраля, Главный морской штаб издал директиву, в которой «четко указывалось», что противником следует считать коалицию государств во главе с Германией (Румыния, Финляндия, Венгрия, Швеция и Италия). В этой связи стоит отметить, что советское командование было в курсе секретных переговоров, в ходе которых Германия пыталась убедить Швецию если не вступить в войну, то, по крайней мере, предоставить возможность использовать свою территорию немецким войскам. Шведы действительно разрешили транзит немецких войск.

В **феврале – мае 1941 года** на всех флотах были проведены проверки с целью повышения ябоевой готовности. Отметим, что подобные проверки были проведены и во всех остальных родах войск Вооруженных Сил СССР. Считаю, что это был своего рода последний предвоенный «смотр» Вооруженных Сил.

В начале мая Главный морской штаб конкретизировал задачи флотов и флотилий в соответствии с уточненными планами прикрытия государственной границы. Они, к слову, так и не были утверждены Москвой: большевикам было не до обороны!

24 мая 1941 года с базы Лиепая, находившейся вблизи госграницы, «в связи с возможностью войны» ряд соединений и кораблей были переведены в дальние базы и порты. Подчеркнем также, что сами по себе «ошибочные» перебазирования части сил Балтийского флота в «прифронтовую» Лиепаю и передача речных боевых кораблей из Днепровской флотилии в Пинскую и Дунайскую являлись ярким свидетельством наступательного характера приготовлений советского ВМФ – иначе и то, и другое просто не имели смысла.

Со **второй половины мая 1941 года** на флотах было введено постоянное несение дозоров подводными лодками и надводными кораблями, были усилены ближние дозоры на подходах к своим базам. Фактически *началось предвоенное развертывание сил флота*. Интересно, что развертывание немецкого Кригсмарине началось позже: «Действия немецкого флота, – свидетельствует Кузнецов, – против нашего Балтийского фактически начались за несколько дней до войны. Фашистские подводные лодки (*прим. автора: по словам Деница, всего их против СССР было развернуто 18 единиц; особых успехов они не достигли*) были высланы на позиции к нашим берегам по меньшей мере за два дня» («Курсом к победе, с. 321). Иными словами, немецкие субмарины оказались в Балтийском море только 19–20 июня 1941 года.

Для ускорения ввода в строй строившихся береговых батарей было приказано ставить их не на бетонные основания, как раньше, а на деревянные (!). Понятно, что подобную «халтуру» могли делать исключительно в преддверии скорых военных действий.

Строившиеся аэродромы включались в число действующих еще до полного завершения работ. На них сразу размещались авиационные части. Вновь отмечу: шло сосредоточение ударной авиации вдоль линии границы.

14 июня 1941 года Главный морской штаб приказал Балтфлоту добавить к действующим дозорам патрулирование устья Финского залива, а в ночное время – и Ирбенского пролива. Напомню читателю, что в этот день в СССР было опубликовано «миролюбивое» Заявление ТАСС. **16 июня 1941 года** дежурство в Ирбенском проливе становится постоянным.

19 июня 1941 года народный комиссар ВМФ Кузнецов перевел Балтийский и Северный флоты в оперативную готовность № 2. Черноморский флот, проводивший учения по высадке морского десанта, уже находился в этой степени готовности. При ней штатный состав сил боевого ядра флота оставался на кораблях и в частях, которые должны были принять все необходимые запасы и привести в порядок материальную часть, в штабах устанавливалось дежурство руководящего состава, усиливалась воздушная разведка и корабельные дозоры. Короче говоря, это *предвоенная готовность*. Тогда же – 19 июня – флоты получили команду готовить к выходу в море подводные лодки с задачей отражения возможного нападения кораблей противника на базы. В данном случае, учитывая, что подводный флот уже занимался «патрулированием» с мая, речь идет об окончании предвоенного развертывания.

20 июня 1941 года Главный морской штаб приказал командованию Балтийского и Северного флотов провести воздушную разведку и установить наличие десантных средств в портах Финляндии. В дальнейшем продолжать вести непрерывное авиационное наблюдение за обстановкой в этих портах. Таким образом, адмиралы Кузнецов и Исаков приказали не просто нарушать воздушное пространство Финляндии, а делать это «с особым цинизмом» – непрерывно, практически «вися» над ее портами. Попутно отметим, что 20 июня Финляндия открыто объявила о призыве резервистов, фактически начав всеобщую мобилизацию: об этом, в частности, говорится в дневниках Геббельса (*«The Goebbels Diaries. 1939–1941»*, с. 419).

В тот же день – **20 июня** – нарком РКВМФ адмирал Кузнецов приказал топить «опасно приближающиеся» корабли противника и сбивать его слишком увлекшиеся самолеты. Эта информация особенно интересна в свете якобы душивших советских военных приказов не открывать огня и «не поддаваться на провокации». Аналогичный приказ – «Сбивать всех!» – получили и военные округа.

«Днем **21 июня**, – подсказывает уже знакомый нам флотский замполит И. И. Азаров, – начальник разведотдела штаба флота (*прим. автора: Черноморского*) полковник Д. Б. Намгалдзе сообщил мне и Бондаренко, что английское радио открытым текстом передало сообщение: фашистская Германия в ночь на 22 июня готовит нападение на СССР...» («Осажденная Одесса», с. 14).

В 23 часа 37 минут 21 июня 1941 года по флоту была объявлена оперативная готовность № 1 (при ней корабли, авиация, береговые соединения и части вскрывают «красные пакеты» с инструкциями на случай войны и приводятся в одночасовую готовность к выходу в море).

Интересна и информация на этот счет, которую привел в книге «Барбаросса – воздушная битва: июль – декабрь 1941» историк **К. Бергстром** (*Chirster Bergström*):

– **19 июня 1941 года** советской зенитной артиллерией были обстреляны немецкие бомбардировщики Ju-88 над полуостровом Рыбачий и северо-западнее Мурманска. В том же районе старший лейтенант Василий Воловиков на истребителе И-153 «Чайка» из 72-го смешанного авиаполка ВВС Северного флота атаковал немецкие бомбардировщики He-111 и Bf-110, но был, в свою очередь, атакован «мессершмиттами» Bf-109 и ушел от них в облака (здесь и далее перевод с английского мой, с. 74);

– **20 июня 1941 года** огнем советской зенитной артиллерии над полуостровом Рыбачий обстрелян еще один бомбардировщик Ju-88: убит бортинженер унтер-офицер Йозеф Хаузенблас (*Josef Hausenblas*), ставший, пожалуй, первым убитым в ходе советско-германского конфликта (там же).

Таким образом, Германия и СССР еще не начали войну, но самолеты обоих государств уже безо всякого стеснения летали над стратегическими объектами друг друга и стран-сател-

литов, вели воздушные бои и подвергались полновесному воздействию зенитной артиллерии. О какой же внезапности может идти речь?..



Бомбардировщик Ju-88 – самый массовый двухмоторный самолет Люфтваффе

Это подтверждает и сам командующий Северным флотом – **А. Г. Головкин**: «...война, связанная немецким фашизмом в Европе, все ближе придвигалась к нашим государственным границам... Ни у кого из нас, кто размышлял над обстановкой и присматривался к поведению гитлеровцев, не было уверенности, что мы доживем до лета без войны» («Вместе с флотом», с. 14). Прославленный адмирал даже главу своей книги так и назвал: «Неожиданность, которую ждали». Если Головкин не думал «дожить до лета без войны» еще весной 1941 года, то что же он должен был думать, прислушиваясь к стрельбе своих собственных зениток, паливших по немецким самолетам-нарушителям 19–20 июня? Ведь снаряды советской зенитной артиллерии рвались буквально над его головой! А то и думал: «Они (*прим. автора: немцы*) сами же в течение нескольких суток, предшествовавших началу войны, дали нам понять, что **нападение совершится если не с часу на час, то со дня на день**» (там же, с. 19). Или вот еще одна цитата – в отношении «визита» немецкого самолета-разведчика **17 июня**: «Моментально все стало ясно – **начинается война**. Иначе на такое нахальство – пройти над главной базой флота – даже гитлеровцы бы не отважились» (там же, с. 20). Отметим: «**ясность**» наступила **за пять дней до начала войны**. В этой связи примечательно и другое откровение флотоводца, касающееся **21 июня**: «Просмотрел за чаем вечернюю сводку. Привлекли внимание данные воздушной разведки. В течение дня были обнаружены: на подходах к губе Петсамо тральщики; в самом порту, на рейде, пятнадцать тральщиков; на рейде Варде – транспорт; в Перс-фиорде – транспорт... В общей сложности за сутки из Петсамо вышли восемь транспортов и вошли в гавань три транспорта, два рыболовных траулера, один сторожевой катер» (там же, с. 24).

Немцы имели ничуть не меньше оснований обижаться на наглость соседа: советские самолеты буквально сутками, сменяя друг друга, «висели» в чужом воздушном пространстве и столь же откровенно контролировали обстановку в гаванях противника!

Потрясающий архивный документ за подписью адмирала Кузнецова приводит современный историк **Марк Солонин** в работе «Три плана товарища Сталина». «Особого внимания, — пишет Солонин на с. 57 сборника «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», опубликовавшего его статью, — заслуживает следующий документ. **4 июня 1941 г.** нарком ВМФ Н. Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т. е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка — в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты:

«Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению **на военное время с 1.07.1941 по 1.01.43**. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50 % от общей потребности на период до 1.01.43 г.» (ГАРФ ф. Р-8418, оп. 25, д. 481, л. 32–33).

Флот, ПВО морских баз и морская авиация фактически уже вели боевые действия еще до начала Великой Отечественной войны. И об этом написано в мемуарах советских адмиралов, изданных в советское же время.

Говоря об истинных планах советского руководства, с потрясающей ясностью раскрываемых в этой совершенно секретной (и, заметим, вполне рутинной) бумаге, любопытно отметить, что ориентировочная продолжительность загадочной войны — **ровно полтора года**. И что в первые ее шесть месяцев, приходящихся на второе полугодие 1941 года, планируется израсходовать **половину** запрошенных мин и торпед. Это — план **войны не оборонительной, а «молниеносной»**. Будет крайне интересно проследить судьбу этого пока избежавшего уничтожения документа, имея в виду объявленную президентом России «оцифровку» и открытие соответствующих архивных фондов. Если же послание уже умершего адмирала расстрелянному после войны Вознесенскому так переживет это мероприятие, то любопытно, как идеологические подручные нынешнего российского руководства собираются объяснять его суть в свете объявленной борьбы с «переписыванием истории». Из всего, сказанного советскими флотоводцами, становится ясно: для РКВМФ немецкое нападение никак не могло быть «неожиданным» или «внезапным». К морской войне с немцами давно готовились, ее планировали, ее ждали.



Командующий Тихоокеанским флотом флагман 2-го ранга Н. Г. Кузнецов в 1938 году

«Субботний день 21 июня, – пишет Кузнецов, – прошел почти так же, как и предыдущий, полный тревожных сигналов с флотов. Перед выходным днем мы обычно прекращали работу раньше, но в этот вечер на душе было беспокойно, и я позвонил домой: «Меня не жди, задержусь...» («Накануне», с. 297). Жена адмирала, разумеется, «не удивилась»... Итак, нарком ВМФ обеспокоен настолько, что в субботу вечером решает не идти домой, а остается «ждать у моря погоды» в своем кабинете. Между прочим, его подчиненные (включая и Головку) после демонстративных посещений театров и прочих культурно-развлекательных заведений тоже идут не к женам, не в баню и не к любовницам, а сидят в кабинетах и напряженно читают разведсводки. И это все – еще до звонка наркома обороны Тимошенко, раздавшегося лишь в «11 вечера 21 июня»! Просто медиумы какие-то советским флотом командовали! За этим звонком следует визит в расположенный по соседству наркомат обороны и разговор с Тимошенко и Жуковым. Первый извещает о возможном нападении Германии, второй показывает проект знаменитой невнятности «предупреждающей» директивы – «не поддаваться на провокации!». Без каких-либо признаков удивления, страха или других эмоций Кузнецов приводит флоты в состояние *полной боевой готовности* и с сознанием честно выполненного долга садится ждать дальнейшего развития событий. Примерно в 03.15 ночи из штаба Черноморского флота, наконец, сообщают: «Началось!». И вот, после всего этого напряженного ожидания «сами-знаете-чего», Кузнецов пишет: «И хотя всем ходом событий я в какой-то степени морально был подготовлен к возможному нападению фашистской Германии на нашу Родину, это известие ошеломило меня» («Курсом к победе», с. 318). Вот те на: еще один «ошеломленный»! А что же вдруг произошло с даром предвидения, хладнокровным ожиданием войны и сверхсекретным требованием Вознесенскому от 4 июня 1941 года – «шлите побольше мин, да торпеды не забудьте»?..

Загадочное сочетание: с одной стороны – полная уверенность в неминуемой, скорой и долгой войне, с другой – «ошеломленное» состояние, последовавшее за ее давно вроде бы предсказанным началом... Воспоминания самых различных советских военачальников и флотоводцев чуть ли не дословно повторяют друг друга. Предлагаю читателю ради интереса посчитать, сколько раз слова «ошеломленный», «пораженный» и «изумленный», употребленные в указанном контексте, встречаются в процитированных мной мемуарах советских военных! Орден «ошеломленных» меченосцев во главе с «потрясенным» магистром-вождем – И. В. Сталиным!

Слово репортерам The New York Times

Помня о том, как внимательно читал адмирал Кузнецов зарубежную прессу накануне войны, я решил последовать его примеру. Благо, что архив американской *The New York Times* доступен каждому желающему в Интернете. Свой поиск я сознательно ограничил периодом с 1 января по 22 июня 1941 года: иначе, подозреваю, пришлось бы писать отдельную книгу. Потратив десять долларов и два часа времени, я убедился в том, что советский флотоводец не зря вчитывался в подготовленные референтами отчеты...

Так, еще **14 января 1941 года** американская газета опубликовала материал, озаглавленный «*Soviet-Nazi Clash on "Spheres" seen/ Massing of Border Troops by Both Nations Reported After Molotoff's Berlin Visit*». В моем переводе это звучит приблизительно следующим образом: «Советы и нацисты столкнулись в борьбе за сферы влияния / После берлинского визита Молотова появились свидетельства концентрации войск обеих сторон на границе». Ссылаясь на югославские (словенские) источники, издание, в частности, сообщало, что «визит советского премьера М. Молотова в Берлин ознаменовал первое и самое значительное охлаждение в отношениях между Рейхом и Россией... Герр Гитлер и герр фон Риббентроп не только отвергли требования г-на Молотова (*прим. автора: касавшиеся, в изложении газеты, дополнительных территориальных претензий в Западной Польше*), но даже отказались рассматривать

их в качестве темы для переговоров...». Упомянутый берлинский визит Молотова состоялся в ноябре 1940 года. В ходе него Советский Союз выдвинул целый список «хотелок» в качестве условий присоединения к «оси» фашистских и прогермански настроенных государств. Но требования эти (о них мы поговорим в следующей части данной работы) показались Гитлеру столь чрезмерными и наглыми, что он на них так никогда и не отреагировал. «После прохладного прощания, – констатирует американское издание, – господин Молотов отбыл в Москву... В течение десяти дней после визита Молотова, согласно австрийскому генералу, проинформировавшему наш источник в Словении, Рейх начал переброску огромного количества свежих соединений в Западную Польшу. С тех пор дополнительные дивизии были переброшены из оккупированных стран Западной Европы в бывшую Польшу и северо-восточную Румынию... По словам генерала, повторенным нашему корреспонденту сегодня, «на востоке постепенно собирается колоссальная армия»...» Получается, что даже если бы у СССР в Европе не было целой армии шпионов, уже спустя два месяца после берлинского визита Молотова и каких-то три недели после принятия Гитлером плана «Барбаросса», простая инвалютная подписка на *The New York Times* могла бы помочь советским руководителям узнать о зловещих приготовлениях, начатых Гитлером на западных границах страны Советов.

8 апреля 1941 года *The New York Times* прокомментировала знаковую передовицу в газете шведской компартии, опубликованную через день после начала немецкого вторжения в Югославию. Напомню, что агрессия последовала за антигерманским путчем, руководители которого поспешили заключить договор о дружбе с СССР. Название материала – «*Soviet-Reich Ties Called Disturbed/ Communist Party Paper in Sweden Says Balkan Attack «Complicates Relations»/ It Stresses New Pact/ Stockholm and London Note Added Evidence of Moscow Anger at Nazi Move*» – я перевел следующим образом: «Связи между Советами и Рейхом «омрачены» / Газета шведской коммунистической партии говорит о том, что агрессия на Балканах «осложнила отношения» / Недавно заключенный пакт подвергается серьезному испытанию / В Стокгольме и Лондоне отмечают очередное свидетельство гнева Москвы, вызванного действиями нацистов». Справедливо отмечая, что шведская *Ny Dag* являлась на тот момент единственной оставшейся в континентальной Европе газетой Коминтерна и, соответственно, представляла собой своеобразный заграничный рупор Москвы, американское издание констатировало, что «острая редакционная статья» шведских коммунистов, в которой говорилось, в частности, о «гибнущих женщинах и детях», «миролюбивом правительстве Симовича» и «давней заинтересованности Советского Союза в сохранении мира на Балканах», прямо предупреждала о том, что германская агрессия против Балканских государств «осложнит отношения между двумя странами». «Многие обозреватели, – писала *The New York Times*, – считают вполне возможным, что заключение советско-югославского пакта стало поворотным пунктом в отношениях Германии и СССР». Таким образом, уже **в начале апреля 1941 года** всем, включая и советское руководство, заказавшее шведским товарищам соответствующую «предупреждающую» статью, было понятно, что **нормальным отношениям с Германией наступил конец**.

3 мая 1941 года появляется еще одна заметка за подписью корреспондента в Турции Зулсбергера (C. L. Sulzberger): «*German-Soviet Strain Increasing, Diplomatic Circles in Turkey Hear/ Nazis in Romania Are Said to Encourage Territorial Plans/ Officers Scoff at the Russian Army/ Turks Speed Defence*». Соответственно, мой перевод заголовка – «Напряжение в советско-германских отношениях усиливается, сообщают дипломатические круги в Турции / Нацисты якобы поощряют территориальные претензии Румынии / Офицеры невысокого мнения о русской армии / Турки усиливают оборонительные приготовления». Корреспондент американской газеты, в частности, сообщал: «Немецкие офицеры часто говорили мне, что они думают пройти через советские боевые порядки как «нож сквозь масло», отрезать западные и южные территории (*прим. автора: СССР*) и вынудить противника к скорому заключению мира. Русские, всегда знавшие о подобных стремлениях, продолжают концентрировать войска... в Бессарабии,

на Буковине и в Польше. Сегодня Турция ускорила оборонительные приготовления, чтобы обезопасить себя от нападения со стороны любого агрессора».

Между прочим, **20 июня 1941 года** *The New York Times* сообщила, чем увенчались эти самые «приготовления»: Турция и Германия заключили пакт о ненападении, а германский представитель заявил, что «реакции со стороны Советской России пока не последовало». О реакции самих немцев говорит заголовок: GREAT VICTORY («Великая победа»), – так называл действительно важное дипломатическое достижение Германии сам Гитлер. Поскольку одной из упоминавшихся выше «хотелок» СССР в ноябре 1940 года было оказание совместного советско-германо-итальянского давления на Турцию с целью принудить ее разрешить советские военные базы в проливах, вышеупомянутый германо-турецкий пакт означал откровенно высказанное «*Nein!*»

В начале лета материалы газеты становятся все более тревожными. **15 июня 1941 года** печатается заметка **Д. Бригхэма** (*Daniel T. Brigham*) со следующим красноречивым названием: «*Clash Is Expected Soon/ Germans Are Expected to Attack Soviets First in Poland*» («Столкновение ожидается в ближайшем времени / Считается, что немцы сначала нападут на Советы в Польше»). Еще **14 июня 1941 года** Бригхэм продиктовал по телефону в редакцию из Берна: «Местные дипломатические круги считают, что давнее соперничество между Россией и Германией достигло критической точки, и что политические и военные события возможны в любой момент. Имеющиеся свидетельства указывают на военное столкновение – возможно, вдоль русско-германской разделительной линии в Польше – в течение следующих десяти дней». «В течение следующих десяти дней»! И ведь не обманул же ушлый газетчик!

«...последние немецкие требования, по сообщению дипломатов нейтральных стран, включают отход как минимум половины советских войск к востоку от границы; перебазирование военно-воздушных группировок из Брест-Литовска и Львова; увеличение поставок советского бензина, нефти и зерна, а также допущение немецких контрольных комиссий для наблюдения за отводом русских войск...»

The New York Times, 14 июня 1941 г.

Скажу честно: я никогда ранее не слышал о факте подобных переговоров между СССР и Германией накануне войны. И это не удивительно: судя по дневникам Геббельса, слухи о якобы ведущихся «мирных переговорах» распускало именно его ведомство. С другой стороны, окажись эти слухи правдой, то ничего невероятного в этом не было бы. Если бы Гитлер и Сталин действительно стремились к сохранению мира между двумя странами, то они просто обязаны были в какой-то момент начать подобные – официальные или секретные – консультации. Как известно, «плохой мир лучше хорошей войны». Тем более, что именно таким образом они и должны были поступить (и до недавнего времени поступали) в соответствии с буквой и духом Пакта Молотова – Риббентропа. Если же к миру они более не стремились (а похоже, что именно так и было), то общение с будущим противником на тему концентрации войск обеих сторон у границы могло по крайней мере позволить выиграть время и держать руку «на пульсе» событий.

Оставив за скобками активность ведомства Геббельса, приведенный Бригхэмом «немецкий список» вполне можно рассматривать в качестве переданного, как порой водится, через нейтральную сторону (вспомним написанную под диктовку Москвы статью в шведской газете), германского предупреждения. Мало того, судя по некоторым шагам советского военного командования в самый канун войны – например, по демонстративному снижению уровня боеготовности войск 21 июня в западных округах – Сталин вполне мог подавать «ответные сигналы». Впрочем, сигналы эти *могли предназначаться не Гитлеру, а кому-то еще*: об этом речь идет в третьей книге данного исследования – «Козырная карта Вождя». «Русский ответ

на это, – писал далее корреспондент *The New York Times*, – ...заклучался в наращивании войск вдоль линии, начинающейся на границе Восточной Пруссии и Литвы и заканчивающейся в северной Бессарабии, со 105 дивизий до 160. По обратную сторону границы немцы, как говорят, только что закончили сосредоточение 143 дивизий и нескольких воздушных соединений. На севере Прибалтики русские якобы сосредоточили 25 дивизий, оснащенных новейшей техникой... Силы на рубеже Днестра были значительно усилены в течение последних десяти дней...».

Точность указанных американским репортером данных поражает: несколько преуменьшая общие силы первого стратегического эшелона СССР, он, тем не менее, вполне корректно оценивает группировку советских войск в Прибалтике и дает весьма точную цифру общего количества немецких дивизий. Скажем, Гудериан в своих воспоминаниях говорит о 145 германских соединениях, сосредоточенных для нападения на СССР. Легко заметить и то, что приведенные американцем цифры весьма похожи (и даже аналогичны) данным, из которых исходил накануне вторжения германский Генштаб, имевший довольно точную информацию о силах Красной Армии в полосе шириной примерно 300 километров от границы и практически ничего не знавший о ситуации в глубине СССР. Именно о 160 советских дивизиях идет речь и в германской Ноте об объявлении войны, переданной Москве через неделю – 22 июня: еще 10 дивизий первого стратегического эшелона Красной Армии немцы, по всей видимости, проворонили. Это заставляет предположить, что «утечка» информации к «нейтралам» была допущена *немцами*. И что сделано это было *сознательно, по их собственной инициативе*. Я не верю в то, что к этому приложил руку Геббельс: во-первых, в его дневниках на этот счет ничего нет (а он бы не удержался и обязательно похвастался!), а во-вторых, какой смысл был ему и его подчиненным болтать о реальной силе германской группировки вторжения? Министру народного просвещения и пропаганды Рейха ставилась совсем иная задача – любым путем заморочить всем головы выбросом самых различных «уток» и слухов и способствовать внезапности германского удара. Интригует и то, что вышеупомянутая заметка корреспондента в Швейцарии появилась *на следующий день* после публикации той же газетой знаменитого Сообщения ТАСС, предназначенного – по убеждению многочисленных советских мемуаристов – для «внешнего употребления» и призванного усыпить немецкую бдительность.

Вот его полный текст:

«Сообщение ТАСС.

Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними (*прим. автора: отметим, что и Сообщение ТАСС тоже упоминает о загадочных «переговорах»*); 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз в свою очередь стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении развязывания войны (*прим. автора: подобное выражение – «расширение развязывания», а также использование словосочетания «эти слухи» три раза в одном предложении – по моему мнению, свидетельствуют о непосредственном участии Сталина в написании данного документа: это довольно типичный пример свойственного ему косноязычия*).

ТАСС заявляет, что:

1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места;

2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям;

3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными;

4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо».

14 ИЮНЯ 1941 г., № 163 (8571)

Сообщение ТАСС.

Вне до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь ищет переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более

тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии, как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо.

Сообщение ТАСС в советской газете

Сразу отметим, что, согласно советской «Истории второй мировой войны», в тот же день, когда ТАСС (то есть Сталин) поливал на весь мир грязью английского посла в Москве, «... министр иностранных дел Англии А. Иден пригласил к себе 13 июня советского полпреда И. Майского и по поручению премьер-министра заявил, что если в ближайшем будущем начнется война между СССР и Германией, то английское правительство готово оказать полное содействие Советскому Союзу своей авиацией на Ближнем Востоке, отправить в СССР военную миссию и развивать с ним экономическое сотрудничество» (т. 3, с. 352).

Если учесть, что в Германии Сообщение/ Заявление ТАСС, подчеркивавшее, в частности, что «никаких требований Германией не предъявлялось», было распространено вечером 13 июня, то немецкое требование об отводе советских войск от границы, переданное через «дипломатические круги» в Швейцарии на следующий же день, вполне могло являться той самой публично переданной «претензией» советскому правительству, которую оно «не получало».

Как уже упоминалось выше, бывший генерал-лейтенант НКВД П. Судоплатов в своих воспоминаниях пишет следующее: «Окончательное решение о нападении на СССР Гитлер принял **14 июня 1941 года**, на следующий день после того, как немцам стало известно заявление ТАСС о несостоятельности слухов о германо-советской войне. Интересно, что заявление ТАСС было распространено в Германии и лишь на второй день опубликовано в «Правде» (с. 197). Вполне возможно, что, прочитав несомненно подготовленное с участием Сталина публичное послание, Гитлер действительно решил, что откладывать нападение больше нельзя и отдал Вермахту приказ выйти на исходные рубежи для атаки. Надо отметить, что сегодняшним аналогом этого странного диалога через мировые печатные издания могло бы послужить общение государственных лидеров на темы войны и мира через... Интернет.

Любопытно, что Виктор Суворов вообще считает 13 июня более важной датой, чем 22-е, полагая, что именно в этот день Советский Союз прошел «точку невозврата» в своих приготовлениях к войне. Об этом, в частности, говорится в статье «Так кто же планировал напасть на кого в июне 1941 года: Гитлер или Сталин?», опубликованной в рамках его докторской программы в британском *Journal of the Royal United Services for Defence Studies* еще в 1985 году. По мнению Резуна, после 13 июня огромной массе войск, переброшенной и перебрасываемой к западным границам, был лишь один путь – на Запад. Суворов считал, что возвращение во внутренние округа нескольких миллионов человек и целых гор военной техники парализовало бы железнодорожную систему СССР еще на несколько месяцев, а это, в свою очередь, привело бы к экономическому коллапсу. Остаться же в приграничных лесах десяткам дивизий было тоже не с руки: у них не было условий ни для жизни, ни для хранения десятков тысяч единиц техники, ни для боевой учебы. Если Суворов прав в отношении «точки невозврата», то приходится сделать вывод о том, что Гитлер и Сталин практически одновременно – в период **с 12 по 14 июня 1941 года** – приняли окончательные решения о нападении друг на друга.

В целом же, Заявление ТАСС было совершенно неискренним. Маршал **А. М. Василевский**, служивший в ту тревожную пору заместителем начальника оперативного отдела Генштаба Красной Армии, сообщает в своих мемуарах следующее: «27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось (!) такого разрешения ранее. **12–15 июня** этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе...» (с. 119). Его слова подтверждает **И. Х. Баграмян**, являвшийся в ту пору заместителем

начальника штаба Киевского Особого военного округа, **«15 июня»** мы получили приказ начать **с 17 июня** выдвижение всех пяти стрелковых корпусов второго эшелона к границе. **У нас уже все было подготовлено к этому.** Читатель помнит, что мы **еще в начале мая** по распоряжению Москвы провели значительную работу: заготовили директивы корпусам, провели рекогносцировку маршрутов движения и районов сосредоточения. Теперь оставалось лишь дать команду исполнителям. Мы не замедлили это сделать. На подготовку к форсированному маршманевру корпусам давалось от двух до трех суток. Часть дивизий должна была выступить вечером 17 июня, остальные – на сутки позднее. Они забирали с собой все необходимое для боевых действий. В целях скрытности двигаться войска должны были только ночью...» («Так начиналась война», с. 77). В свете этих откровений трудно удивляться, что семьи офицеров и жители украинского городка, провожавшие одну из этих тыловых дивизий (200-ю сд Людникова), считали, что те идут на войну... Воспоминания Василевского и Баграмяна прямо свидетельствуют о том, что до или одновременно с публикацией «успокаивающего» Заявления ТАСС тыловые соединения (второй эшелон) советских приграничных округов получили приказ готовиться к выдвижению непосредственно к границе. О том, что это выдвижение действительно имело место, говорят воспоминания командиров данных дивизий – в частности, того же Людникова.

Теперь поговорим о втором стратегическом эшелоне Красной Армии. Согласно официальной «Истории Краснознаменного Уральского Военного Округа», именно **утром пятницы 13 июня** – за несколько часов до опубликования Заявления ТАСС в Германии – началась погрузка в эшелоны 22-й уральской армии под командой генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова (с. 104). Конечная точка специально запутанного маршрута – западные границы СССР. В тот же день – **13 июня** – отбыл в Украину из Москвы и генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, лишь накануне узнавший о конечном пункте назначения своей 16-й армии, перебрасываемой на Запад такими же замысловатыми петлями из Забайкалья **начиная с 26 мая**. Наконец, как сообщают Москаленко, Лелюшенко и прочие мемуаристы, **15–16 июня** командиры механизированных соединений западных округов практически одновременно приступили к рекогносцировке маршрутов дорог в непосредственной близости к границе. Уже **18–19 июня** полученные ими сведения пригодились в деле: практически все боеспособные мехкорпуса были подняты по тревоге и, «забрав все необходимое для боя», направились все туда же – к границе с Германией и Румынией.

Но вернемся к анализу сообщений американских газетчиков в то тревожное предвоенное время. Не могу не повторить уже высказанное ранее мнение: даже без имевшейся в распоряжении СССР самой мощной и эффективной в мире шпионской сети советское руководство вполне могло судить о масштабе и срочности германской угрозы по статьям в зарубежных газетах, опубликованным за неделю до немецкого нападения. Если же кто-то в Германии (**а это совсем не обязательно был Гитлер**) действительно выдвигал конкретные требования, и по этому поводу реально шли секретные, до сих пор никому неизвестные переговоры, то в таком случае советская сторона, что называется, «из первых рук» знала бы: агрессия может начаться в любую минуту. В конце концов, совсем недавно в подобных ситуациях побывали Польша, Финляндия, Румыния и страны Прибалтики.

То, что у Гитлера имелись основания не доверять довольно топорно составленным «миролюбивым» намекам «замечательного грузина», подтверждает опубликованная *The New York Times* **16 июня 1941 года** очередная заметка корреспондента в Турции Зульсбергера, озаглавленная «All Soviet Troops Reported Called/ But Russians Deny a General Mobilization/ Nazi Forces Have Left Balkans». Я перевел заголовок следующим образом: «Все советские резервисты призваны / Но русские отрицают проведение всеобщей мобилизации / Силы нацистов покинули Балканы». Зульсбергер передал в редакцию, в частности, следующее: «Анкара, Турция, **15 июня**.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.